

АРГУМЕНТЫ ИСТИНЫ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

КРАХ СССР

Сергей Кара-Мурза

Крах СССР

«Алгоритм»

2013

Кара-Мурза С. Г.

Крах СССР / С. Г. Кара-Мурза — «Алгоритм», 2013

ISBN 978-5-4438-0214-5

Эта книга посвящена внутренним факторам и условиям, которые ослабили СССР и привели его к кризису 80-х годов. Она написана уже с новым знанием о советском периоде нашей истории. Катастрофы – жестокий эксперимент. Именно когда рушатся под явными ударами такие сложные конструкции как государство и общество, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение, сокровенные достоинства и слабые точки. В этот момент можно многое понять – и о стране, и о себе. Знание необходимо и потому, что мы и впредь будем двигаться вслепую, если не поймем советского строя, к тому же не убитого, а лишь искалеченного и ушедшего в катакомбы. В выборе и построении возможного для нас жизнеустройства будет совершенно необходим опыт советского строя, включая опыт его катастрофы. Книга предназначена для студентов, преподавателей и всех, кто думает о прошлом и будущем России.

ISBN 978-5-4438-0214-5

© Кара-Мурза С. Г., 2013

© Алгоритм, 2013

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Раздел 1	12
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Крах СССР

© Кара-Мурза С. Г., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

В августе 1991 г. верхушка КПСС передала власть «второй смене» – тоже радикальной антисоветской группировке из рядов своей же номенклатуры, и та выполнила вторую, «грязную», часть работы по уничтожению СССР и советского государства.

Но государство – не человек, оно умирает долго и трудно, и в течение более 20 лет мы наблюдаем его агонию. Только во время этой агонии, через утраты и обретение памяти, начинает ныне живущее поколение понемногу осознавать, что же это было за государство – *советское*. Начинает понимать, каким *обществом* это государство было рождено и на каких устоях держалось. Через смертельные удары по его уязвимым точкам мы начинаем различать, пока еще смутно, его строение, чувствовать его природу.

Советский строй возник в страшных родовых муках. Травмы остались в памяти: у кого-то пострадали близкие, кто-то был потрясен зрелищем чужих страданий. Потому и нашлось достаточно таких, кто бескорыстно и по доброй воле помогал словом и делом Б. Ельцину с А. Чубайсом и Дж. Бушу с Джефффри Саксом. Кто-то из таких и сегодня радуется, но даже и они не могут не понимать, что «целились в коммунизм, а стреляли в Россию». Но не будем отнимать утешения у убийц бескорыстных. Пусть считают, что уничтожить Россию им пришлось, изгоняя из нее дьявола коммунизма. Будем говорить о целом.

Эта книга – один из тех трудов, что стали появляться уже с новым знанием о советском периоде нашей истории. Катастрофы – это жестокий эксперимент. В технике аварии и катастрофы – источник важнейшего знания. Что же говорить об обществе и стране, само рождение и жизнь которых покрыты многими слоями священных тайн и преданий! Именно когда рушатся под явными ударами такие сложные конструкции, как государство и общество, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение, сокровенные достоинства и слабые точки. В этот момент можно многое понять – и о стране, и о себе.

Но очень ненадолго приоткрывается нам суть вещей, и мы обязаны сделать усилие и успеть добыть драгоценное знание, пока раны раскрыты. Это знание оплачено страданиями миллионов людей – можем ли мы дать ему пропасть!

Речь не идет о возврате в «*тот*» советский строй. Это невозможно и никому не нужно – вернуться, чтобы снова вырастить М. Горбачева с Б. Ельциным? Знание необходимо потому, что мы и вперед будем двигаться вслепую, если не поймем старого строя, к тому же вовсе не убитого, а лишь искалеченного и ушедшего в катакомбы. Понять советский строй – это выиграть целую кампанию войны с теми, кто стремился и стремится нас ослепить. Недаром антисоветизм – одна из главных сегодня идеологических программ. Возможно, главная, причем во всем мире. На ее подпитку в России брошены силы всех окрасок, потому что, поняв советский строй, люди очень быстро нащупают контуры нового проекта и пробьют к нему туннель.

Советский проект был для всего фашиствующего мирового интернационала как кость в горле. Уже на первой своей, ранней, стадии реализации в виде СССР в ходе трудных проб и ошибок он показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных *возможна*. Возможно и существование человечества, устроенного как семья, «симфония» народов – а не как мировой апартеид, вариант неоязыческого рабовладения.

Поражение советского проекта на территории СССР – тяжелый удар по этим надеждам. Слишком сильны оказались в человеке инстинкты хищника, слишком устойчивы внедряемые веками идеи господства, присвоения. На короткий срок они были оттеснены в тень духовным порывом народов России, а на хищников были надеты намордники. Найдя мощных союзников и в мировой политике, и среди своих воров и романтиков, хищники вырвались на волю. Тот строй, который создавался на принципах сотрудничества и солидарности, перед ними не устоял.

Но и тем, кто этому потакал, и тем, кто не сумел защитить СССР, надо восстанавливать какое-то жизнеустройство. Воля к жизни понемногу и незаметно начнет отвлекать людей от телеэкрана и заставит искать выход. Есть основания на это надеяться.

Уже сегодня всем, кто сохранил здравый смысл, ясно, что хаос разрушения СССР не сложился в России в новый порядок, обеспечивающий выживание страны и народа. Те «стратегические программы», которые нам периодически дают «пожевать» президенты и их эксперты, есть продукт чисто идеологический, сшитый на скорую руку. Он не предназначен ни для обсуждения, ни тем более для выполнения. Это – прикрытие еще на год, на два. Пока и верующие в рынок, и его критики грызут эту кость, господствующее меньшинство вывозит достояние страны за рубеж, отправляет туда же детей и внуков учиться, обустроивает гнезда комфорта в самой России – на случай, если паралич вымирающего народа затянется.

А те сценарии, которые пишутся всерьез, предусматривают, как самый лучший вариант, превращение России в периферию мировой капиталистической системы – в площадку, на которой «экономические операторы» будут в небольших очагах современной экономики добывать то, что необходимо «глобальному рынку». И очаги эти будут окружены морем обнищавшего населения, выброшенного из цивилизации и самым примитивным образом добывающего скудное пропитание. Это население уже не будет ни русскими, ни татарами, ни якутами, это будет утратившая национальную культуру человеческая пыль. Она будет оставлена на земле в таком количестве, чтобы бесперебойно рожать и выращивать до 18 лет почти даровую рабочую силу для «очагов цивилизации» и солдат-контрактников для внутренних войск.

Как большинство ни оттягивает этот момент, каждому придется взглянуть правде в глаза и признать, что или наши народы восстановят то жизнеустройство, которое совместимо с природой, наличными ресурсами и культурой, или исчезнут как народы и как страны, подобно американским индейцам.

В выборе и построении возможного для нас жизнеустройства будет совершенно необходимым опыт советского строя, включая опыт его катастрофы. Мы должны понять, что абсолютно необходимо для нашей жизни, что важно и желательно, а без чего можно обойтись. Понять источники и нашей силы, и поразительной уязвимости.

Приведенный в книге фактический материал уже достаточно хорошо известен. Но в публикациях в течение последних 20 лет он приводился как доводы в спорах о текущем моменте и о будущем – о том, как слова и дела повлияют на жизнь народов постсоветских республик, осколков бывшего СССР. В данной книге этот материал служит объяснению одного исторического факта – краха СССР и советского строя.

Это иной взгляд на факты.

Введение

Мы имеем опыт катастрофы – поражение советского строя, включая его политическую систему и систему межнационального общежития (СССР). За 20 лет после ликвидации СССР мы многое поняли. Остается ряд загадок, но мы имеем к ним подходы. Об этом и будем говорить, создавая нашу картину крупными мазками, без деталей.

Данная книга посвящена *внутренним* факторам и условиям, которые ослабили СССР и привели его к кризису 80-х годов XX в. С этим кризисом советский строй не справился. Это не значит, что внешние факторы несут существенны для судьбы СССР. Напротив, советский строй не устоял против разрушительного воздействия *союза внутренних и внешних* антисоветских сил, который и сложился в 70—80-е годы XX в. Скорее всего, без этого обе группы сил порознь справиться с советской системой не смогли бы.

Решающее значение внутренних факторов определяется тем, что для нас факторы внешней среды – это почти данность, устранить которую невозможно. Для анализа примем ее как константу, а внутренние условия и факторы – следствия действий или бездействия самой советской системы, государства и общества. Это те *переменные*, на которые они могли и обязаны были влиять. У противников СССР в холодной войне без союзников внутри советского общества не хватило бы сил для победы. Эти наши собственные переменные мы обязаны изучить – ведь жизнь продолжается, а уроки поражения самые ценные.

Перед нами два вопроса: что такое был «советский строй» и что с ним произошло? Почему СССР рухнул, казалось бы, на пике своего могущества? Почему к концу 80-х годов XX в. его легитимность была подорвана и в массовом сознании иссякло *активное* благожелательное согласие на его существование? Как было определено еще в XVI в. Н. Макиавелли, власть держится на *силе и согласии*. Развивая эту тему, А. Грамши добавил, что согласие должно быть активным. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то этого достаточно, чтобы организованные заинтересованные силы сменили социальный строй и политическую систему. А такие силы всегда есть и в стране, и за рубежом. В 1990–1991 гг. массовое сознание населения СССР не было *антисоветским*. Люди желали, чтобы главные условия советского общественного строя были сохранены и развивались, но они желали этого *пассивно*. И этим советский общественный строй был обречен.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в преддверии гражданской войны в Испании написал: «Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, – наивная иллюзия. История – это арена, полная жестокостей, и многие расы как независимые целостности сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить – значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озабочилось бы будущим нации»[129].

Но советских людей, родившихся после великой Победы в Великой Отечественной войне, этой простой мудрости не научили.

Трудность разговора на тему книги заключается в том, что официальная советская история была мифологизирована, и от нас до сих пор требуются большие усилия, чтобы уйти от ее стереотипов. Много покажется непривычным, многое трудно будет встроить в устоявшиеся взгляды. Эта история «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила упрощенными, успокаивающими штампами. И мы не вынесли из истории уроков, даже из Гражданской войны.

Мы, например, не задумывались над тем, почему две марксистские революционные социалистические партии, даже, точнее, фракции одной партии (большевики и меньшевики), оказались в той войне по разные стороны фронта. Советские экономисты обучались в Академии народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, а Г. В. Плеханов считал Октябрьскую революцию

реакционной. Разве это не символично? Мы только сейчас узнаем, что западные марксисты считали большевиков «силой Азии», в то время как марксисты-меньшевики считали себя «силой Европы».

Этот разговор трудный и потому, что через образование мы получили язык западных понятий, а болезни и радости незападных обществ трудно выразить на этом языке. Но давайте сделаем усилие и взглянем на катастрофу СССР без догм и стереотипов, стараясь говорить на естественном языке, а не на языке идеологии.

Итак, о том, что было. Кратко об исходных установках книги.

Советский строй — это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией и лежащего в русле ее истории и культуры. Надо различать *советский проект*, т. е. представление о благой жизни и дороге к ней, и *советский строй* как воплощение этого проекта на практике. Много из намеченного проектом не удалось создать в силу исторических обстоятельств, но очень многое удалось – сегодня это даже поражает. И то, и другое надо понять. Советский строй просуществовал 70 лет, но в бурном XX в. это было несколько исторических эпох. Его стойкость при одних трудностях и хрупкость при других многое сказали о человеке, обществе и государстве.

Советский проект – это не просто социальный проект, но и ответ на фундаментальные вопросы бытия, рожденный в Евразии, в сложном обществе России, находящейся «между молотом Запада и наковальной Востока» (Д. И. Менделеев). Рядом был мощный Запад, который дал свой ответ на вопросы бытия в виде рыночного общества и человека-атома, индивида – из недр протестантской Реформации. Рядом начинал подниматься и мощный Восток, ответ которого на те же вопросы мы только-только начинаем понимать.

Советский проект повлиял на все большие цивилизационные проекты: помог зародиться социальному государству на Западе, демонтировать колониальную систему, на время нейтрализовал соблазн фашизма, дал многое для укрепления и самоосознания цивилизаций Азии в их современной форме.

Советский проект не исчерпал себя, а советский строй не выродился и не погиб сам собой. У него были болезни роста, несоответствие ряда его институтов новому состоянию общества и человека во второй половине XX в. Было и «переутомление» от форсированных усилий и тяжелой войны. Было и замешательство на распутье. В этом состоянии он был «убит» противником в холодной войне, хотя и руками «своих» – союзом трех сил советского общества: части номенклатуры КПСС, части интеллигенции («западники») и части преступного мира.

Никаких выводов о порочности *проекта* из факта убийства его «носителя»-строя не следует. Бывает, что умного, сильного и красивого человека укусит тифозная вошь, и он умирает.

Никаких выводов о качествах этого человека и даже о его здоровье сделать нельзя. Из факта гибели СССР мы можем сделать только вывод, что *некоторые защитные системы* советского строя оказались слабы. Этот вывод очень важен, но на нем нельзя строить отношение к другим системам советского строя, это было бы просто глупо.

Нет смысла давать советскому строю формационный ярлык – социализм, «казарменный феодальный социализм», государственный капитализм и т. д. Эти определения только ведут к бесполезным спорам. Например, во время перестройки интеллигенцию увлек совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем и однозначно понимаемом спорили, как его надо называть. Сказал «казарменный социализм» — и вроде все понятно. Академик Т. И. Заславская уже под занавес перестройки в важном докладе озадачила аудиторию: «Возникает вопрос, какой тип общества был действительно создан в СССР, как он соотносится с марксистской теорией?» [63].

Страну уже затягивало дымом, а глава социологической науки погрузилась в тонкости дефиниции и марксистской теории, смысл которой даже закоренелые начетчики помнили очень смутно.

А вот как трактовал и трактует природу СССР профессор МГУ А.В. Бузгалин: «В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией "мутантного социализма" (под ним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы)».

А.В. Бузгалин считает, что создал целую теоретическую категорию, объясняющую гибель советского строя. На деле взятая им из биологии ругательная метафора «мутант» бессодержательна и ничего не объясняет. Мутация есть изменение в генетическом аппарате организма. Если такое изменение наследуется и благоприятствует выживанию потомства, то эта полезная мутация служит важным механизмом эволюции. Если, как это делает А.В. Бузгалин, уподоблять общественный строй биологическому виду, то *любое* социальное жизнеустройство оказывается «мутантным» и иным быть не может.

Метафора неверна уже потому, что мутация есть изменение чего-то, что уже *было* как основа («дикий вид»). Если бы в мире где-то существовал *правильный социализм*, а под воздействием И. Сталина из него возник казарменный социализм, искаживший исходный образец, то его еще можно было бы обозвать мутантом. Но никакого исходного социализма, от которого произошел советский строй, не существовало. И эту метафору профессор МГУ переносит из публикации в публикацию уже в течение 20 лет.

Будем исходить из очевидной вещи: советский строй был *жизнеустройством* большой сложной страны со своим типом хозяйства, государства, национального общежития. Мы знаем, как питались люди, чем болели и чего боялись. Сейчас мы видим, как ломают главные структуры этого строя и каков результат, выражающийся в простых и жестких понятиях. Из всего этого и надо извлекать знание о советском строе, создавать его образ и искать причины его слабости и гибели.

Не будем удревянять проблему и уходить в глубь веков, хотя корни там. Достаточно начать уже с XX в. Россия в начале XX в. в главных своих чертах была *традиционным* (а не западным, гражданским) обществом, хотя и пребывала в состоянии быстрой и далеко зашедшей *модернизации*. Начиная с Петра I Россия осваивала и в то же время «переваривала», хотя и с травмами, западные институты и технологии, но не утратила своей цивилизационной идентичности. Ярче всего она выражалась в антропологии – господствующим в культуре представлениям о человеке. Производными от этих представлений были основные ценности, понятия о добре и зле, благой жизни, о собственности и хозяйстве, власти и правах человека. Именно глубинные представления о человеке, а не социальная теория, породили русскую революцию и предопределили ее характер.

Это тезис фундаментальный, он вызывал острые дебаты в моменты всех общественных столкновений XX в. и продолжает вызывать их сегодня.

Советский проект вызревал очень долго. Откуда взялись декреты советской власти и сама идея национализации земли? Они взялись из тех представлений общинного крестьянства, которые вынашивались в течение примерно 30–40 лет. Уже в «Письмах из деревни» А. Н. Энгельгардта (80-е годы XIX в.) видно, как в крестьянской общине вырабатывалось и совершенствовалось представление о благой жизни, а потом (в 1904–1907 гг.) излагалось эпическим стилем в виде наказов и приговоров. Из наказов и брали эти представления эсеры и большевики. Сегодня процесс формирования этого проекта реконструирован достаточно надежно.

Русская революция 1905–1907 гг. была началом *мировой революции*, вызванной сопротивлением крестьянского традиционного общества разрушающему действию западного капитализма (сопротивлением против «раскрестьянивания»). В Западной Европе эти «антибуржуазные» революции (или контрреволюции, типа крестьянских восстаний Вандеи) потерпели поражение, а на периферии – победили или оказали влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире, Мексике, самые последние на Кубе и в Иране – по всему «незападному» миру.

Модель, созданная русскими марксистами с активной помощью К. Маркса и Ф. Энгельса для понимания России, была логична: Россия должна пройти тот же путь, что и Запад, – буржуазную революцию, развитие капитализма, разделение народа на классы, борьба которых приведет к пролетарской революции в момент, когда капитализм исчерпает свой потенциал и станет тормозить прогресс производительных сил. Эту модель не приняли М. Бакунин, а потом народники, разработавшие концепцию *некапиталистического* развития России. Народников разгромили марксисты, они считали, что разрушение традиционного хозяйства капитализмом быстро идет в России. Г. В. Плеханов полагал, что оно уже состоялось. Так же поначалу считал и В. И. Ленин, мысливший в рамках политэкономии капитализма. Однако эта модель была неадекватна в принципе – не в мелочах, а в самой своей сути.

В. И. Ленин пересмотрел модель Маркса в отношении России в ходе революции 1905 г. и порвал с марксистским взглядом на крестьянство как на реакционную мелкобуржуазную силу. Это был разрыв с западным марксизмом. В статье 1908 г. «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин дает новую трактовку русской революции. Это не буржуазная революция ради устранения препятствий для капитализма, а революция союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* господства капитализма. Она мотивирована стремлением *не пойти* по капиталистическому пути развития. Ортодоксальные марксисты (меньшевики) эту теорию не приняли, и конфликте большевиками углубился.

Второй развилкой на этом пути была Февральская революция 1917 г.

Раздел 1

Советский проект. Начало

Глава 1

Короткая справка о революциях 1917 г.¹

Между Февралем и Октябрем 1917 г.

25 октября (7 ноября) 1917 г. в России произошла революция, которую потом назвали Великой Октябрьской социалистической. Было отстранено от власти Временное правительство, учрежденное после свержения монархии в феврале 1917 г. Февральская революция была организована крупной буржуазией при поддержке правительств Англии и Франции, в союзе с которыми (Антантой) Российская империя с 1914 г. воевала с Германией и ее союзниками.

Правители Англии и Франции считали, что монархия в России теряет контроль над страной, в которой шли сложные революционные процессы, и опасались, что царь пойдет на сепаратный мир с Германией. Российская буржуазия, тесно связанная с иностранным капиталом, была противником монархии и сословного государства, которые препятствовали модернизации экономической и политической системы по западным либеральным буржуазно-демократическим канонам.

Ленин писал в марте 1917 г. то, что было тогда известно в политических кругах: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова».

Февральская революция победила так быстро и бескровно потому, что на время возник союз сил, имевших совершенно разные цели, – прозападной буржуазии и Антанты, желавших продолжения войны, с массовым народным движением, желавшим мира. «Штабом» революции была Государственная Дума, где большинство имела буржуазная Конституционно-демократическая партия («кадеты»).

В революционные дни в Петрограде был создан Совет. Если весь ход формирования Временного правительства легко проследить документально, то о процессе возникновения советов историки говорят скупо. Активный деятель того времени художник А. Н. Бенуа писал в апреле 1917 г.: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов».

В Петрограде важную роль в образовании Советов сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г., руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной Думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов – по типу Петербургского совета 1905 г. Участники этого заседания были арестованы и отправлены в тюрьму всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

¹ Эта сжатая справка дает широко известные сведения. Более подробно изложено в [74].

Активной и влиятельной силой в Февральской революции было российское политическое масонство, которое было воссоздано в начале XX в. с помощью западных масонов. В Москве и Санкт-Петербурге были учреждены ложи «Возрождение» и «Полярная звезда», для чего из Парижа прибыли члены совета Великого Востока Франции. Главное направление деятельности этих лож лежало в русле буржуазно-либеральной оппозиции самодержавию. В 1910 г. была создана ассоциация лож – Великий Восток народов России (ВВНР). Она имела своим лозунгом «борьбу за освобождение отечества». Имелась в виду замена самодержавия парламентской республикой. В 1912 г. в масоны был принят А. Ф. Керенский, который в 1915 г. стал руководителем ВВНР (вместе с левым кадетом, впоследствии заместителем председателя Государственной Думы, Н. В. Некрасовым).

В августе 1915 г. руководители масонов, собравшись на квартире социолога кадета М. М. Ковалевского, договорились о создании буржуазно-либерального Прогрессивного блока. Масоны согласовывали позиции либеральной и левых фракций в Думе и способствовали их совместным выступлениям. Как вспоминает в эмиграции (1928 г.) один из руководителей масонства меньшевик А. Я. Гальперн: «очень характерной для большинства членов организации была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели... Конечно, такое отношение к данному монарху не могло не переходить и в отношение к монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения».

Осенью 1916 г. от ВВНР откололась радикальная часть, которая готовила дворцовый переворот и одновременно «террористические действия» против рабочего движения. А. Я. Гальперн вспоминает: «Последние перед революцией месяцы в Верховном Совете было очень много разговоров о всякого рода военных и дворцовых заговорах. Помню, разные члены Верховного Совета, главным образом Некрасов, делали целый ряд сообщений – о переговорах Г. Е. Львова с генералом Алексеевым в Ставке относительно ареста царя... Был ряд сообщений о разговорах и даже заговорщических планах различных офицерских групп».

25 февраля 1917 г. массовые демонстрации под лозунгами «Хлеба!» и «Долой самодержавие!» переросли во всеобщую политическую стачку². На другой день к ней стали присоединяться войска. 27 февраля 1917 г. Совет министров ушел в отставку и разошелся. 28 февраля 1917 г. многие министры, включая Председателя Совета министров, были арестованы. Генералы, стоявшие на либеральных позициях, принудили царя к отречению от трона, в столице начались демонстрации рабочих и солдат гарнизона. К революции присоединился даже полк личной охраны царя, состоящий только из георгиевских кавалеров.

Хотя выступление солдат 27 февраля 1917 г. было стихийным, активность масонов с первого дня революции была очень велика. Историк В. И. Старцев в комментариях к документам о тех событиях пишет: «И проведение Н. С. Чхеидзе председателем Петроградского Совета рабочих депутатов, а других масонов – членами его Исполкома, и формирование корпуса эмиссаров Временного комитета Государственной Думы, и создание самого Временного правительства, а также нажим на П. Н. Милюкова с целью немедленного провозглашения республики в ночь на 3 марта 1917 г. – все это показывает энергичную деятельность членов Великого Востока народов России с 27 февраля по 3 марта 1917 г.».

После февральских событий в ложу «Истинные друзья» был принят эсер Б. В. Савинков. В мае 1917 г. из 66 членов ЦК партии кадетов 11 были масонами. К октябрю 1917 г. активно действовали 28 лож системы ВВНР.

² Вначале 1917 г. возникли перебои в снабжении хлебом Петрограда и ряда крупных городов. Возможно, они были созданы искусственно, ибо запасы хлеба в России были, но наличие заговора вовсе не обязательно. На заводах были случаи самоубийств на почве голода. Подвоз продуктов в Петроград в январе 1917 г. составил половину от минимальной потребности. Продразверстка, введенная правительством осенью 1916 г., провалилась. В феврале 1917 г. председатель Государственной Думы М. В. Родзянко писал царю: «В течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой».

Правительство было сформировано из представителей правой буржуазии и крупных помещиков, важные посты были отданы кадетам. Правительство было тесно связано с буржуазными общественными организациями, которые возникли в годы войны (Всероссийский земский союз, Городской союз, Центральный военно-промышленный комитет). Параллельно и независимо от правительства возник Петроградский Совет.

И кадеты, и правые либералы были едины в своей ориентации на Запад и в намерении продолжать войну. В апреле 1917 г. военный министр А. И. Гучков (лидер правых консерваторов) заявил на большом совместном заседании правительства, Временного комитета Государственной Думы и Исполкома Петроградского Совета: «Мы должны все объединиться на одном – на продолжении войны, чтобы стать равноправными членами международной семьи».

Овладеть ситуацией Временное правительство не смогло и переживало все более тяжелые и длительные правительственные кризисы: 3–4 мая, 3–23 июля, 26 августа—24 сентября 1917 г. В результате этих кризисов менялся состав, уже 5 мая 1917 г. правительство стало коалиционным, но все три коалиции были непрочными. Разрушению подверглась вся система власти, важнейшие вопросы откладывались до появления Учредительного собрания. Были ликвидированы посты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, полицейские и жандармские должности и управления.

Как признал тогда лидер правых А. И. Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть». Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк М. Ферро, ссылаясь на признания А. Ф. Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* февральской революции³.

При таком развале государства безвластие коснулось буквально каждого человека. Временное правительство назначило в губернии и уезды своих комиссаров. Но у них не было реальных средств влиять на положение. Как они сами заявили на совещании в Петрограде, без опоры на местные советы их власть «равна нулю» – но правительство вело дело к конфликту с советами, в то же время потакая им (например, через комиссаров правительства шла финансовая поддержка Советов).

Февральская революция нанесла сокрушительный удар по армии – важнейшему институту государства. 2 марта 1917 г. секретарь ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов адвокат Н. Д. Соколов (бывший, как и А. Ф. Керенский, одним из руководителей российского масонства тех лет) подготовил и принес в только что созданное Временное правительство известный Приказ № 1. Приказ предусматривал выборы в войсках комитетов из нижних чинов, изъятие оружия у офицеров и передачу его под контроль комитетов, установление неограниченной «ни в чем» свободы солдата. Этот приказ начал разрушение армии. Став военным министром, Керенский издал аналогичный приказ, известный как «декларация прав солдата». В июле генерал А. И. Деникин заявил: «развалило армию военное законодательство последних месяцев»⁴.

³ Напротив, рабочие организации, тесно связанные с Советами, стремились укрепить государственные начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Меньшевик И.Г. Церетели писал тогда об особом «государственном инстинкте» русских рабочих и их «тяге к организации».

⁴ Критическим событием, положившим начало Февральской революции, был бунт 27 февраля 1917 г. учебной команды лейб-гвардии Волынского полка, которая отказалась выйти для пресечения «беспорядков». Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель Кирпичников выстрелом в спину убил уходящего офицера. Этому событию было придано символическое значение – командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов лично наградил Кирпичникова Георгиевским крестом – наградой, которой удостоивали только за личное геройство. Одно это событие нанесло тяжелый удар по армии. Кстати, многие наши антисоветские патриоты считают Л.Г. Корнилова монархистом – вот насколько подорвана историческая память.

В армии была проведена чистка командного состава (по данным А. И. Деникина, за первые недели было уволено около половины действующих генералов). На главные посты были назначены близкие к думским оппозиционным кругам выдвиженцы – А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов, А. В. Колчак. Следуя обязательствам перед Антантой и взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с созданными им самими трудностями – армия стала неуправляемой, началось массовое дезертирство. В июле на фронте были восстановлены упраздненные во время революции военно-полевые суды, но это не поправило дела. Учрежденное Политическое управление Военного министерства безуспешно пыталось наладить в войсках пропаганду в пользу продолжения войны. Солдаты стремились домой, где начался передел земли⁵.

3 июля 1917 г. было нарушено неустойчивое равновесие сил между Временным правительством и Петроградским советом (так называемое «двоевластие»), была расстреляна демонстрация, шедшая под советскими лозунгами. Сформированное 24 июля 1917 г. правительство стало сдвигаться вправо, его председатель А. Ф. Керенский (перешедший в партию эсеров) занял и посты военного и морского министра; в третьем правительстве он был председателем и Верховным главнокомандующим. 25 августа 1917 г. произошел неудачный мятеж генерала Л. Г. Корнилова, который вместе с рядом других генералов пытался свергнуть Временное правительство.

Важнейшие изменения произошли в *национально-государственном устройстве*. Революция 1905–1907 гг. сплотила буржуазию и землевладельцев национальных регионов вокруг царской власти как самой надежной защиты. После краха монархии положение изменилось, стало преобладать стремление к огосударствлению наций. Начался распад империи, вызванный не отпадением частей, а разрушением центра.

Прежде всего сепаратизм поразил армию. Еще до февраля были созданы национальные части – латышские батальоны, Кавказская туземная дивизия, сербский корпус. После февраля был сформирован чехословацкий корпус, и вдруг «все языки» стали требовать формирования национальных войск. Командование и правительство не были готовы к этому. Например, разрешили создание «Украинского полка имени гетмана Мазепы». Началась «украинизация» армии (солдаты отказывались идти на фронт под предлогом: «Підем під українским прапором»). Летом 1917 г. разгорелась борьба за Черноморский флот, на кораблях поднимали украинские флаги, с них списывали матросов-неукраинцев.

Вопрос национально-государственного устройства до последнего момента игнорировался Временным правительством, о нем не упоминается ни в декларациях, ни даже в постановлениях о провозглашении России демократической республикой (1 сентября 1917 г.). Вся практика Временного правительства способствовала децентрализации и сепаратизму не только национальных окраин, но и русских областей. Резко усилилось сибирское «областничество» – движение за автономию Сибири. Конференция в Томске (2–9 августа 1917 г.) приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири» в рамках федерации с самоопределением областей и национальностей и даже утвердила бело-зеленый флаг Сибири. 8 октября 1917 г. открылся I Сибирский областной съезд. Он постановил, что Сибирь должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь Сибирскую областную думу и кабинет министров. Были планы преобразовать саму Сибирь в федерацию. После Октября Дума не признала советскую власть, и большинство ее депутатов было арестовано.

Наиболее неудачно сложились отношения Временного правительства с Украиной. Уже 4 марта 1917 г. в Киеве была образована Центральная рада, которая требовала территори-

⁵ М.М. Пришвин записал в дневнике 15 июня: «Солдатки, обиженные и ничего не понимающие, пишут письма мужьям: «Тебя, Иван, тебя, Семен, тебя, Петр, мужики обделили. Бросайте войну, спешите сюда землю делить...». Земельный вопрос надо было решать срочно. Временное правительство осталось глухо и взяло курс на "войну до победного конца"»[148].

ально-национальной автономии Украины. 10 июня 1917 г. рада провозгласила автономию. Тактика Временного правительства все откладывать до Учредительного собрания привела к отделению Украины, хотя позиции сепаратистов там были исключительно слабы⁶.

Обратимся к тому, что происходило на другой ветви революционного процесса – в Советах. Становление системы Советов на первом этапе было процессом «молекулярным». Поначалу обретение Советами власти происходило вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать советы альтернативной формой государства у них не было, их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии».

Та сила, которая стала складываться сначала в согласии, а потом и в противовес Временному правительству и которую летом возглавили большевики, была выражением массового стихийного движения. Сила эта по своему типу не была «партийной». На предприятиях Советом был весь трудовой коллектив, а выборы депутатов в Советы высших уровней (совдепы) должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. В деревне Советом был сельский сход. Иными словами, способ организации этой власти был совсем иным, нежели в западном гражданском обществе.

По подсчетам историков, в 1917 г. количество членов всех политических партий по всей России составляло около 1,2 % населения страны. Партийно-представительная демократия, свойственная классовому гражданскому обществу, не была принята населением. Либерально-буржуазное правительство, которое пыталось опереться на такую политическую структуру, «повисло в воздухе».

Напротив, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а корпоративно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России.

Советы выросли из крестьянских представлений о правильной власти. Исследователь русского крестьянства А. В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

За параллельными решениями и делами Временного правительства и Петроградского совета наблюдали в России все, до кого доходила информация, и Совет все время «набирал очки». Важнейшим пробным камнем стал вопрос о земле. Уже 9 апреля 1917 г. Петроградский совет признал «запашку всех пустующих земель делом государственной важности» и потребовал создания на местах земельных комитетов.

И не только в главных вопросах – мира и земли – брал верх Совет, но и по множеству житейских дел, которые сильно влияли на обыденное сознание. Легитимизация власти в обыденном сознании происходит именно через накопление малых, «молекулярных» оценок.

Совет, имея авторитет в среде рабочих и солдат, оказался гораздо более дееспособным, чутким и гибким в разрешении критических проблем для жизни граждан. Так, в первые же дни революции была ликвидирована полиция, из тюрьмы выпущены уголовники, и город жил под страхом массовых грабежей. Временное правительство создало милицию из студентов-добровольцев, а Совет – милицию из рабочих, фабрики и заводы обязаны были отрядить каждого

⁶ Глава образованного радой правительства (Директории) В.К. Винниченко в воспоминаниях, изданных в Вене в 1920 г., признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 г. большевиками, а также говорит о враждебности, которую вызывала проводимая радой политика «украинизации». Он добавляет, упрекая украинцев: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское – украинский язык, музыку, школы, газеты и книги».

десятого рабочего. Было очевидно, что основную работу по наведению порядка выполнила рабочая милиция. Сравнение было в пользу Совета.

Именно в Советы приходилось обращаться за разрешением социальных конфликтов (например, при конфликте инженеров с рабочими в Петрограде и врачей с младшим персоналом в Москве). Таких вопросов, в решении которых Советы оказывались более практичными и близкими к жизни органами власти, было множество.

Огромное влияние на исход этого сравнения оказала армия. Выехав 5 апреля 1917 г. на фронт, военный министр А. И. Гучков был поражен тем, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров, тогда самую популярную. Он писал: «Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства».

Таким образом, министр Временного правительства с самого начала говорит о взаимоотношениях с Советами в терминах не сотрудничества, а борьбы. Фактически уже начиная с Февраля политиками, не принявшими советского проекта, создавался механизм будущей гражданской войны. Она просто находилась в латентном, «инкубационном» периоде. Один из кандидатов на должность военного министра во Временном правительстве полковник Б. А. Энгельгардт писал в марте 1917 г.: «Чтобы остановить развивающееся движение, есть лишь одно средство: окунуть руки по локоть в крови, но в настоящую минуту я не вижу для этого ни возможностей, ни охотников». Когда «дети Февраля» получили для этого возможность и собрали «охотников», они начали гражданскую войну.

В июле Временное правительство сделало отчаянный шаг, чтобы ликвидировать двоевластие (расстрел демонстрации 3 июля), но это лишь развязало Советам руки для радикальных мер. Уйдя в тень, советы оставили сцену Временному правительству, и это очень ухудшило образ буржуазных либералов. В августе была попытка свергнуть Временное правительство «справа» (корниловский мятеж). Тот факт, что защиту его в основном пришлось организовывать Петроградскому совету, в глазах граждан означал полное банкротство правительства. От оставшейся у него чисто номинальной власти оно было отстранено без всякого насилия 25 октября 1917 г., в день открытия II Всероссийского съезда Советов, на котором и была провозглашена Советская власть и приняты ее первые Декреты.

В заключение стоит привести эпизод, который больше говорит не об истории, а о типе того антисоветизма, вокруг которого собрались в конце 80-х годов силы, сокрушившие СССР. В книге «При свете дня» В. Солоухин уверяет, что «по личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян». Для убедительности этого нелепого утверждения он начинает счет прямо с ночи 25 октября 1917 г., когда якобы по приказу Ленина арестованных в Зимнем дворце министров Временного правительства «не мешкая ни часу, ни дня, посадили в баржу, а баржу потопили в Неве».

Реальная судьба министров иная. Все они были вскоре после ареста освобождены. Из пятнадцати министров восемь эмигрировали, семь остались в России. Из них в результате репрессий погиб в 1938 г. один – министр земледелия С. Л. Маслов. В СССР он был видным деятелем Центросоюза и преподавал в МГУ. Военный министр генерал А. А. Маниковский во время Гражданской войны был начальником снабжения Красной армии. Морской министр Д. Р. Вердеревский уехал во Францию, а в 1945 г. явился в посольство СССР и принял советское гражданство. Министр путей сообщения А. В. Ливеровский стал в СССР видным специалистом по транспорту, строил «Дорогу жизни» к блокадному Ленинграду. Один из министров, С. Н. Третьяков, эмигрировал во Францию, стал виднейшим агентом советской контрразведки (с 1929 г.) и в 1943 г. был казнен немцами.

Отношения между Февральской и Октябрьской революциями

В преподавании официальной советской истории давалась следующая упрощенная схема. В феврале 1917 г. в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию. Эта революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» собрались и летом 1918 г. при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти.

Эта картина неверна не в деталях, а в главном. Февральская революция не могла «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для либерально-демократической, западной буржуазии и царская Россия, и советская Россия были одинаковыми врагами. Для февраля обе они были «империями зла».

Возьмем суть. С конца XIX в. Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам принадлежала большая часть промышленности. Этому сопротивлялось монархическое государство – строило железные дороги, казенные заводы, университеты и науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну – и не справилось с этой задачей. Причина в том, что государство было повязано и сословными интересами, и долгами перед западными банками. Как говорил М. Вебер, попало в *историческую ловушку* и выбраться из нее уже не могло.

Главным врагом монархического государства была буржуазия, которая требовала западных рыночных порядков и, кстати, демократии, чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу. В этой борьбе они бы заведомо проиграли (как это и произошло на Западе). Крестьяне (85 % населения России) к требованиям буржуазии относились равнодушно, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для крестьян «своими» и даже «родственниками» – и по крови, и по образу мыслей и жизни. В 1902 г. начались крестьянские восстания из-за земли, в ходе их возникло «межклассовое единство низов» – и произошла революция 1905 г. Только после нее большевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» – ересь с точки зрения марксизма. Крестьяне отшатнулись от монархии и повернулись к революции из-за столыпинской реформы.

Отношение к русской революции К. Маркса и Ф. Энгельса, труды которых оказывали большое влияние на российскую интеллигенцию, было внутренне противоречивым. Оно сводилось к следующему:

– они поддерживали революцию в России, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю; структура классовой базы такой революции для Маркса и Энгельса была несущественна;

– они категорически отвергали рабоче-крестьянскую народную революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных культурных основаниях, без повторения пройденного Западом пути.

В этом представлении выразилась замечательная прозорливость и интуиция основоположников марксизма. Они увидели и почувствовали главное – в России параллельно назревали две революции, в глубине своей не просто различные, но и враждебные друг другу. На первых этапах они могли переплетаться и соединяться в решении общих тактических задач, но их главные, *цивилизационные*, векторы были принципиально различны.

Это представление, на первых этапах смутное, было принято российскими марксистами для определения их отношения к реальному ходу революционного процесса в России. Первым критическим моментом стала революция 1905–1907 гг., которая явно пошла по тому пути, который был отвергнут и осужден К. Марксом и Ф. Энгельсом. Марксисты оказались перед историческим выбором: включиться в эту революцию или остаться верными учению Маркса и противодействовать этой революции («будущему Октябрю»). Фракция большевиков, возглавляемая В. И. Лениным, извлекла уроки из первого акта русской революции и примкнула

к революционным народным массам. Меньшевики остались с учением Маркса, к ним потом присоединились и эсеры.

Таким образом, в России одновременно произошли две разные революции. Одна из них – та, о которой и мечтали Маркс и Энгельс. Это революция западническая, имевшая целью ликвидацию монархической государственности и империи, установление свободного капиталистического рынка.

Другая революция – рабоче-крестьянская (советская), имевшая целью закрыть Россию от свободного рынка, отобрать бывшую общинную землю у помещиков и не допустить раскрестьянивания. К этой революции примкнули рабочие с их еще крестьянским общинным мировоззрением и образом действия (например, способом организации в трудовые коллективы и подпольные общины). Такую революцию Маркс и Энгельс считали реакционной, поскольку она прямо была направлена на то, чтобы остановить в России колесо капиталистического прогресса.

Каждое из этих революционных течений имело двух главных врагов: самодержавие и альтернативную революцию. Конъюнктурно они на короткий период могли быть и союзниками (конкретно, в феврале, во время свержения монархии).

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 г. Масоны завладели Государственной Думой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства. Оно к тому времени стало разночинным и либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений. Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они уже были по-военному организованы и имели оружие. В массе своей это было поколение, которое в 1905–1907 гг. подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция 1917 г. завершила долгий процесс разрушения легитимности государства Российской империи.

Те культурные силы, которые стремились поддержать традиционные формы Российского государства (славянофилы в конце XIX в., «черносотенцы» после революции 1905 г.), были дискредитированы и оттеснены на обочину. После Февраля кадеты сразу заняли главенствующее положение во Временном правительстве и выработывали его программу, в союзе с большей частью эсеров и меньшевиков. Все они сходились на том, что в России происходит буржуазно-демократическая революция и любая альтернатива ей, в том числе под знаменем социализма, будет реакционной (контрреволюцией).

Февральская революция была *переворотом в верхах*, проведенным Государственной Думой и генералами. Но она стала возможной потому, что ее поддержала и либеральная буржуазия с частью бюрократии, и солдаты с рабочими. Порог ни одной из этих сил не было бы достаточно – во всех революциях требуется участие влиятельной части госаппарата. В данном случае революционной была Государственная Дума (включая депутатов-монархистов типа А. И. Гучкова и В. В. Шульгина), большая часть генералитета, армии и полиции, чиновничества. Была и поддержка правительств государств Антанты.

Как и предполагал Ф. Энгельс, «эту революцию начали высшие классы столицы». Ф. Энгельс в своих трудах лишь выразил то, что правящая верхушка Запада и так прекрасно знала (хотя информационно-психологическая поддержка от марксизма была ей очень кстати).

Но февраль развязал руки революции советской. Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности: буржуазно-либеральная республика (Временное правительство) и «самодержавно-народная» Советская власть. Это был *единственный в своем роде* опыт, похоже, его не переживал ни один народ в истории. Два типа государственности означали два разных пути, разных жизнеустройства. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях исторического процесса, и люди

в течение довольно долгого времени могли сравнивать оба типа – это исключительно эффективный способ познания.

Столкновения между Временным правительством и Советами начались быстро. И кадеты, и меньшевики ориентировались на Запад и требовали продолжать войну. В ответ уже 21 апреля 1917 г. в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства; и она была обстреляна – впервые после февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом.

Да, вялотекущая гражданская война началась в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности (в апреле 1917 г. крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России). Но это была война не с монархистами – вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. Произошло то «превращение войны империалистической в войну гражданскую», о котором говорили большевики. Они это именно *предвидели*, а вовсе не «устроили» – никакой возможности реально влиять на события в феврале 1917 г. большевики не имели. Накануне Февраля в организациях партии большевиков работало около 10 тыс. человек, а большая часть руководства находилась в эмиграции или в ссылке.

Стихийный процесс продолжения траектории российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа, обрел организующую его партию (большевиков) после февраля – в момент Апрельской конференции их численность оценивалась уже в 50 тыс. Отвергая западнический либерально-буржуазный проект, рядовые консерваторы-монархисты (и даже черносотенцы), да и половина состава царского Генерального штаба, после февраля пошли именно за большевиками.

Монархия капитулировала без боя. С февраля в России началась борьба *двух революционных движений*. Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам – меньшевикам и эсерам. И те и другие были искренними марксистами и социалистами, с ними были Г. В. Плеханов и В. Засулич. В это же надо наконец-то вдуматься! Они хотели социализма для России, только социализма по-западному, «правильного». А в России народ был «неправильный». Если взглянуть на дело со стороны меньшевиков-марксистов, то Октябрь выглядит событием реакционным, *контрреволюционным переворотом*. В этом они были верны букве марксизма, прямо исходили из указаний К. Маркса и Ф. Энгельса. Февральская революция в России произошла согласно теории Маркса, а Октябрьская – вопреки этой теории.

Замечательно это выразил основатель итальянской компартии (тогда социалист) А. Грамши в статье «Революция против "Капитала"» (5 января 1918 г.): «Это революция против "Капитала" Карла Маркса. "Капитал" Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось» [216].

Нестабильное равновесие, возникшее после октября, сломали прежде всего эсеры. Признав советскую власть, Учредительное собрание блокировало бы гражданскую войну. А вот если бы большевики сдались Учредительному собранию, война все равно была бы неизбежной. Шанс на выход из тупика давал именно и только советский проект (хотя какие-то его вариации были возможны, но и те были загублены левыми эсерами). Эсеры и объявили Советской власти гражданскую войну, а подполковник В. О. Каппель был их первым командиром (его недавно перезахоронили с воинскими почестями и хоругвями как якобы монархиста).

Большевики ушли от марксизма не только в том, что исходили из иной картины мироустройства, осознали природу капиталистической системы «центр – периферия» и цивилизационный смысл русской революции. Они ушли и от присущего марксизму *механицизма* во взглядах на исторический процесс. Они мыслили уже в понятиях перехода «порядок – хаос – порядок» и верно оценивали значение *момента* и *движения*. Помимо верной оценки движущих *сил* русской революции они умело действовали в «точках бифуркации», в моменты неустойчивых равновесий.

Благодаря организующему действию большевиков Советам удалось прийти к власти на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но уже угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства населения – крестьян.

Это удалось потому, что в России в отличие от марксистской теории классовой революции была создана теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран эта революция была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Там в России, где победили силы, стремящиеся стать «частью Запада», они выступали против Советской революции, даже и под красным знаменем социализма.

В работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в 1916 г. в Цюрихе и напечатанной в середине 1917 г. в Петрограде, развивается представление о судьбе периферийных стран мировой системы, преодолевающее главные догмы марксизма. В дополнение к отходу от марксистских представлений о крестьянстве «Империализм...» стал необходимым блоком для выработки учения об антикапиталистической революции «в *одной стране*» — вне зависимости от участия в ней пролетариата развитых капиталистических стран. Таким образом, «Империализм...» является текстом, представляющим ядро *ленинизма* как новой теории революции.

Из приведенных в «Империализме...» данных об изъятии Западом ресурсов периферии следует, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада *не является* революционным классом. В. И. Ленин приводит исключительно красноречивые рассуждения идеологов империализма (например, Сесилия Родса) о том, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью эксплуатации зависимых стран («Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»). Эту проблему Запад успешно решил – его «низшие классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными, что подтверждается цитатами из текстов как буржуазных экономистов, так и западных социал-демократов. Таким образом, и на практике эксплуатация рабочих была дополнена (а скорее, даже замещена) эксплуатацией народов, а *классовая борьба* заменена *борьбой народов*.

Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные Лениным высказывания самого Энгельса. Так, 7 октября 1858 г. (!) он писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». И это представление Энгельса, сложившееся к 1858 г., вполне устойчиво. 12 сентября 1882 г. он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

Значит, неверно, что лишь мировая пролетарская революция, начатая в западных странах, может стать мотором освобождения народов от капиталистической эксплуатации. Отказ от этого постулата был важным шагом в создании ленинской теории революции. Из него прямо следовала установка большевиков, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходится, а революция в странах периферийного капитализма, к которым

относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер борьбы против гнета иностранного капитала. Впоследствии ленинская теория революции получила развитие на опыте подобных революций в других крестьянских странах.

Ортодоксальные марксисты (П. Б. Аксельрод, В. Засулич, Г. В. Плеханов) считали, что в феврале главная задача русской революции, поставленная К. Марксом и Ф. Энгельсом, выполнена. Ас реакционной советской революцией надо бороться. Эта часть марксистов стала антиленинцами и заняла антисоветскую позицию – в точном соответствии с теми заветами, которые Маркс и Энгельс сформулировали в 1870–1880 гг.

Чистым случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими талантливый марксист Н. Н. Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и И. В. Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в России, Н. Н. Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией, а взять власть самим. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, она разоружила солдатские Советы, которые поддерживали большевиков (в этих Советах русские были в большинстве). В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Для защиты от турок меньшевики призвали на помощь немецкую армию, а потом и британскую.

При этом внутренняя политика правительства Н. Н. Жордания была *социалистической*. В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа – земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем были национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19 % занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Н. Н. Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г. так: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!».

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был революционером и социалистом, поклонником Ф. Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Но главным пунктом в его политической программе была «глубокая ненависть к России». Он был сослан по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина – Александр Ульянов. Находясь в ссылке в Сибири, Ю. Пилсудский, по его признанию, «вылечился от остатков тогдашнего русского влияния, очистился для западноевропейского влияния». В 1895 г. он написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что говорили наши демократы спустя сто лет, в начале 90-х годов XX в.

Суть Октября как *цивилизационного* выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В. М. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М. И. Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники К. Каутского определили большевизм как «*азиатизацию* Европы». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и даже марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*.

Конфликт этого типа вновь стал назревать с 60-х годов XX в. уже в новых поколениях и сильно изменившемся обществе.

Глава 2

Генезис советского проекта

Аграрная цивилизация. Традиционное общество. Община

В XVIII в. на Западе вошло в обиход слово «цивилизация». Цивилизацией называли общество, основанное на разуме и справедливости. Словом «цивилизация» стали обозначать *стадию развития* общества, следующую за дикостью и варварством. Старое понятие «христианский мир» стало малоупотребительным, оно выполняло свои функции, пока свою политическую и культурную объединительную роль играла Священная Римская империя, скрепленная католичеством и латинским языком. После Реформации и религиозных войн понятие «христианский мир» в большой мере утратило свою эффективность. На смену ему почти повсеместно пришло понятие «Европа».

В начале XIX в. в ходе становления мировой колониальной системы возникла «этноисторическая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа – своя цивилизация. Позже стало развиваться понятие «*локальные цивилизации*». Одной из таких локальных цивилизаций была Россия (восточно-христианская, или евразийская цивилизация). После победы над Наполеоном этот статус России был принят и на Западе, и в самосознании образованного слоя самой России.

В России начала XX в. западники и славянофилы, монархисты и либералы, большевики и меньшевики, эсеры и анархисты мыслили о стране и ее будущем в понятиях цивилизации. Их программы, направленные, казалось, на разрешение чисто социальных и политических противоречий, на деле представляли собой разные *цивилизационные проекты*. Результатом их сопоставлений, столкновений и синтеза стал *советский проект*. Не употребляя понятийный аппарат цивилизационного подхода, мы упускаем многие стороны реальности.

Эти понятия были для российского самосознания столь актуальны, что сам цивилизационный подход начал интенсивно разрабатываться именно в России. В трудах Н. Я. Данилевского были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных цивилизаций», введены представления о *культурно-историческом типе* как носителе главных черт той или иной цивилизации (его основной труд «Россия и Европа» был написан в 1869 г.)⁷. Эти идеи затем, в XX в., развивались в трудах О. Шпенглера, А. Тойнби и П. А. Сорокина.

Траектория развития Запада как цивилизации неповторима. В становлении его важным фактором была новая антропологическая модель. На уровне религиозного сознания главное изменение в представлении о человеке на Западе произвела протестантская Реформация в Европе. Она отвергла идею коллективного спасения души, религиозное братство людей. Именно эта идея и соединяла ранее людей в христианстве: все люди – братья во Христе, он *за всех нас* пошел на крест. На Западе, напротив, возник религиозно обоснованный *индивидуализм*. Это общество возникло на идее *предопределенности*. В кальвинизме, который дал религиозное оправдание капитализму, люди изначально разделены на *избранных* и *отверженных*.

Вот фундаментальное утверждение кальвинистов (1609 г.): «Хотя и говорят, что Бог послал сына своего для того, чтобы искупить грехи рода человеческого, но не такова была его цель: он хотел спасти от гибели лишь немногих. И я говорю вам, что Бог умер лишь для спасения избранных» [25, с. 213].

Это значило, что люди изначально не равны, а делятся на меньшинство, избранное к спасению души, и тех, кому предназначено вечно страдать в геенне, – *отверженных*. Видимым

⁷ Конечно, в среде образованных людей влияние западников явно преобладало. Работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» была издана в Петербурге в 1871 г. тиражом 1200 экземпляров. К моменту смерти автора в 1885 г. тираж так и не был распродан.

признаком избранности стало *богатство*. Бедность была ненавистна как симптом отверженности, людей соединяли не любовь и сострадание, а ненависть и стыд. М. Вебер поясняет, что дарованная избранным милость требовала от них «не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему... а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню» [25, с. 157].

В ходе Реформации, Просвещения и буржуазных революций возникло и новое рациональное представление о человеке – *свободный индивид*. *Индивид* — это перевод на латынь греческого слова *атом*, что по-русски означает *неделимый*. Человек стал атомом человечества – свободным, неделимым, в непрерывном движении и соударениях. При этом каждый имел в частной собственности свое *тело*. Оно стало самым исходным, первичным элементом частной собственности, и в обладании ею все были равны. В России сам смысл понятия «индивид» широкой публике даже до сих пор неизвестен – это слово воспринимается как синоним слова «личность», что неверно.

Философское основание западного общества сформулировал в XVII в. Т. Гоббс. У него сосуществование индивидов в обществе определяется их исходным равенством. Но в отличие от равенства людей, как братьев во Христе, у Т. Гоббса «равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Равенство людей-«атомов» предполагает здесь не любовь и солидарность, а войну: «хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними» [42, с. 303].

Когда средневековая Европа превращалась в современный Запад, произошло освобождение человека от связывающих его солидарных, общинных человеческих связей. Капитализму был нужен человек, свободно передвигающийся и вступающий в отношения купли-продажи на рынке рабочей силы. Поэтому *община* (крестьянская или ремесленная) была врагом буржуазного общества и его культуры.

Понятие «индивид» развивалось на протяжении четырех веков философами, вплоть до Поппера и фон Хайека, и самыми разными школами политэкономии, социологии, антропологии, поведенческих наук и даже психоанализа. В России своя, идущая от православия, антропологическая модель – человек как *соборная личность* — оформилась в конце XIX в. в трудах философов-немарксистов (П. Хомяков, К. Леонтьев, Вл. Соловьев).

Создание капитализма как основного уклада жизни целой цивилизации стало великой программой многих народов Европы. Авангардом ее были голландцы, фризы и англичане, но каждый народ внес в это строительство свое: и в дебаты и войны Реформации и буржуазных революций, и в Великие географические открытия и завоевания колоний, и в создание науки, техники и фабрики для индустриальной революции.

К. Поланьи, описывая процесс становления капитализма в Западной Европе, отмечал, что речь шла о «*всенародной стройке*», что главные идеи нового порядка были приняты *народом*.

Он писал: «Слепая вера в стихийный процесс овладела сознанием масс, а самые «просвещенные» с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма» [160, с. 314].

Как известно, Запад в этом катаклизме не погиб, а вышел из него как могучая, энергичная цивилизация с ненасытной жадой экспансии. Она проявилась прежде всего в торговле и войне. О. Шпенглер так излагает культурные корни английского капитализма: «Английская хозяйственная жизнь фактически тождественна с торговлей, с торговлей постольку, поскольку она представляет культивированную форму разбоя. Согласно этому инстинкту все превращается в добычу, в товар, на котором богатеют... Властное слово "свободная торговля" относится

к хозяйственной системе викингов. Становится понятен Адам Смит с его ненавистью к государству и к "коварным животным, которые именуются государственными людьми". В самом деле на истинного торговца они действуют, как полицейский на взломщика или военное судно на корабль корсаров» [194, с. 78–80].

В России разрыва общинных связей и стоящих за ними связей религиозного братства не произошло, воздействие капитализма запоздало. Российская социальная философия (как православная, так и либеральная, а позже советская) вообще считала концепцию индивида некорректной, поскольку личности вне общества просто не существует. Общество и личность связаны нераздельно и *создают друг друга*. В антропологической модели, развитой в России, человек всегда включен в солидарные группы (семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива). Обыденным выражением этой антропологии служит девиз: «Один за всех, все за одного».

Отрицание индивидуализма было одним из важнейших культурных устоев России как цивилизации, что и предопределило общий духовный кризис, возникший при вторжении западного капитализма в конце XIX – начале XX в. Н. А. Бердяев в книге «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» писал: «У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма, хотя для нас же характерна острая постановка проблемы столкновения личности с мировой гармонией (Белинский, Достоевский). Но коллективизм есть в русском народничестве – левом и правом, в русских религиозных и социальных течениях, в типе русского христианства. Хомяков и славянофилы, Вл. Соловьев, Достоевский, народные социалисты, религиозно-общественные течения XX века, Н. Федоров, В. Розанов, В. Иванов, А. Белый, П. Флоренский – все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, «соборной», хотя и поразному понимаемой» [цит. по 41, с. 167].

Уже сравнение условий России и Запада объясняет, почему динамика и формы ее культурного и хозяйственного развития кардинально отличались от западных. Мы не можем здесь рассматривать всю совокупность природных факторов, влияющих на выбор форм хозяйства. Этому посвящена обширная литература XIX и XX вв.

Само *пространство* заставляло в России принять хозяйственный строй, очень отличный от западного. В России из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта составляли в конце XIX в. 50 %, а транспортные издержки во внешней торговле были в 6 раз выше, чем в США. На внутреннем рынке России торговля всегда была торговлей на *«дольние расстояния»*. В 1896 г. средние пробеги важнейших массовых грузов по внутренним водным путям превышали 1000 км. Средний пробег по железной дороге в тот год составил: по зерну 638 км, по углю – 360 и по керосину—945 км [160, с. 317].

Условия пространства, расстояний, транспортной сети и плотности населения на Западе, подробно описанные Ф. Броделем [19], отличаются от условий России просто разительно (первая глава второго тома его книги называется «Пространство, враг номер один»).

Второй неустрашимый фактор – почвенно-климатические условия. Возьмем сравнительно хорошо описанное в истории время с X по XIX в. В этот период практически все богатство России создавалось сельскохозяйственным трудом крестьянства. Запад с XVI в. начал уже эксплуатацию колоний, но и в Западной Европе сельское хозяйство играло огромную роль. Сравним условия земледелия и главный показатель этого хозяйства – урожайность зерновых на Западе и в России.

В XIV в. в Англии и Франции поле вспахивали 3–4 раза, в XVII в. – 4–5 раз, в XVIII в. рекомендовалось производить до 7 вспашек. Это улучшало структуру почвы и избавляло ее от сорняков. Главными условиями для такого возделывания почвы были мягкий климат и стальной плуг, введенный в оборот в XIV в. Возможность пасти скот практически круглый год и высокая биологическая продуктивность лугов позволяли держать большое количество скота и

обильно удобрять пашню (во многих местах имелась даже официальная должность инспектора за качеством навоза).

А вот что пишет об условиях России академик Л. В. Милов: «Главным же и весьма неблагоприятным следствием нашего климата является короткий рабочий сезон земледельческого производства. Так называемый беспашенный период, когда в поле нельзя вести никакие работы, длится в средней полосе России семь месяцев. В таких европейских странах, как Англия и Франция, "беспашенный" период охватывал всего два месяца (декабрь и январь).

Столетиями русский крестьянин для выполнения земледельческих работ (с учетом запрета на труд по воскресеньям) располагал примерно 130 сутками в год. Из них около 30 суток уходило на сенокос. В итоге одנותягловый хозяин с семьей из четырех человек имел для всех видов работ на пашне (исключая обмолот снопов) лишь около 100 суток. В расчете на десятину (около 1 га) обычного крестьянского надела это составляло 22–23 рабочих дня (а если он выполнял полевую барщину, то почти вдвое меньше).

Налицо колоссальное различие с Западом. Возможность интенсификации земледелия и сам размер обрабатываемой пашни на Западе были неизмеримо больше, чем в России. Это и 4–6-кратная пахота, и многократное боронование, и длительные "перепарки" что позволяло обеспечить чистоту всходов от сорняков, достигать почти идеальной рыхлости почвы и т. д.

В Парижском регионе затраты труда на десятину поля под пшеницу составляли около 70 человеко-дней. В условиях российского Нечерноземья земледелец мог затратить на обработку десятины земли всего 22–23 дня. Значит, если он стремился получить урожай на уровне господского, то должен был выполнить за 22–23 дня объем работ, равный 40 человеко-дням, что было невозможно даже путем чрезвычайного напряжения сил всей семьи, включая стариков и детей...

По нормам XIX в. для ежегодного удобрения парового клина нужно было иметь 6 голов крупного скота на десятину пара [т. е. 12 голов на средний двор. – С. К.-М.]. Поскольку стойловое содержание скота на основной территории России было необычайно долгим (198–212 суток), то, по данным XVIII–XIX вв., запас сена должен был составлять на лошадь – 160 пудов, на корову – около 108 пудов, на овцу – около 54 пудов... Однако заготовить за 20–30 суток сенокоса 1244 пуда сена для одנותяглого крестьянина пустая фантазия... Факты свидетельствуют, что крестьянская лошадь в сезон стойлового содержания получала около 75 пудов сена, корова, наравне с овцой, – 38 пудов. Таким образом, вместо 13 кг в сутки лошади давали 6 кг, корове вместо 8 или 9 кг – 3 кг и столько же овце. А чтобы скот не сдох, его кормили соломой. При такой кормежке удобрений получалось мало, да и скот часто болел и издыхал» [115].

Какова же была урожайность на Западе и в России? Ф. Бродель приводит множество документальных сведений. «В имениях Тевтонского ордена в Пруссии урожайность пшеницы с 1550 г. по 1695 г. доходила до 8,7 ц/га, в Брауншвейге была 8,5 ц/га, в хороших хозяйствах во Франции с 1319 по 1327 г. пшеница давала урожаи от 12 до 17 ц/га (средний урожай сам-восемь). В 1605 г. французский обозреватель сельского хозяйства писал о средних урожаях: "Хозяин может быть доволен, когда его владение приносит ему в целом, с учетом плохих и хороших лет, сам-пять – сам-шесть"» [20, с. 135].

В целом по Англии дается такая сводка урожайности зерновых: 1250–1499 гг. – 4,7:1; 1500–1700 гг. – 7:1; 1750–1820 гг. – 10,6:1. Такие же урожаи были в Ирландии и Нидерландах, чуть меньше во Франции, Германии и Скандинавских странах. Итак, с XIII по XIX в. они выросли от *сам-пять* до *сом-десять*.

Какие же урожаи были в России? Читаем у Л.В. Милова: «В конце XVII в. на основной территории России преобладали очень низкие урожаи. В Ярославском уезде рожь давала от сам-1,0 до сам-2,2. В Костромском уезде урожайность ржи колебалась от сам-1,0 до сам-2,5. Более надежные сведения об урожайности имеются по отдельным годам конца XVIII в.: это сводные погубернские показатели. В Московской губернии в 1788, 1789, 1793 гг. средняя по

всем культурам урожайность составляла сам-2,4; в Костромской (1788 г., 1796 г.) – сам-2,2; в Тверской (1788–1792 гг.) средняя по ржи – сам-2,1; в Новгородской – сам-2,8».

Мы видим, что разница колоссальная – в России на пороге XIX в. урожай сам-2,4! В 4 раза ниже, чем в Западной Европе. Надо вдуматься и понять, что эта разница, из которой и складывалось «собственное» богатство Запада (т. е. полученное не в колониях, а на своей земле), накапливалась *год за годом в течение тысячи лет*. Величина этого преимущества с трудом поддается измерению.

А ведь и крестьянин, и лошадь в России работали впроголодь. Как пишет Л.В. Милов, в Древнем Риме, по свидетельству Катона Старшего, рабу давали в пищу на день 1,6 кг хлеба (т. е. 1 кг зерна). У русского крестьянина суточная норма *собранного* зерна составляла 762 г. Но из этого количества он должен был выделить зерно «на прикорм скота, на продажу части зерна с целью получения денег на уплату налогов и податей, покупку одежды, покрытие хозяйственных нужд».

Как известно, Запад делал инвестиции для строительства дорог и мостов, заводов и университетов главным образом за счет колоний. У России колоний не было, источником инвестиций было то, что удавалось выжать из крестьян. Насколько прибыльным было их хозяйство?

Л.В. Милов пишет: «На этот счет есть весьма выразительные и уникальные данные о себестоимости зерновой продукции производства, ведущегося в середине XVIII в. в порядке исключения с помощью вольнонаемного (а не крепостного) труда. Средневзвешенная оценка всех работ на десятине (га) в двух полях и рассчитанная на массиве пашни более тысячи десятин (данные по Вологодской, Ярославской и Московской губерниям) на середину века составляла 7 руб. 60 коп. Между тем в Вологодской губернии в это время доход достигал в среднем 5 руб. с десятины при условии очень высокой урожайности. Следовательно, затраты труда в 1,5 раза превышали доходность земли... Взяв же обычную для этих мест скудную урожайность (рожь сам-2,5, овес сам-2), мы столкнемся с уровнем затрат труда, почти в 6 раз превышающим доход» [114].

Понятно, что в этих условиях ни о каком капитализме речи и быть не могло. Организация хозяйства могла быть только крепостной, общинной, а затем колхозно-совхозной. Только когда в условиях планового хозяйства и крупных сельскохозяйственных предприятий, как общее дело всего народного хозяйства, смогли перейти от трехпольного земледелия к интенсивным многопольным севооборотам, некоторые отрасли сельского хозяйства стали в России прибыльными.

Л.В. Милов делает вывод: «Общий итог данного обзора можно сформулировать так: практически на всем протяжении своей истории земледельческая Россия была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом. Поэтому, если бы Россия придерживалась так называемого эволюционного пути развития, она никогда не состоялась бы как великая держава...»

И в новейший период своей истории... в области аграрного производства Россия остается в крайне невыгодной ситуации именно из-за краткости рабочего периода на полях. По той же причине российский крестьянин лишен свободы маневра, компенсировать которую может только мощная концентрация техники и рабочей силы, что, однако, с необходимостью ведет к удорожанию продукции... В значительной мере такое положение сохраняется и поныне. Это объективная закономерность, которую человечество пока не в состоянии преодолеть» [114].

Важнейшим для России институтом, в символической форме воплощающим тип семейных отношений, была община. Она сложилась в России под сильным влиянием православного мироощущения и православной антропологии и просуществовала тысячу лет, наложив глубокий отпечаток на всю национальную культуру.

Русский народ, выражаясь словами А.С. Панарина, «оказывается хранителем общинного сознания в эпоху, когда общинность репрессирована политически, экономически и идеоло-

гически. В этом смысле народ оказался великим подпольщиком современного гражданского общества» [134, с. 241].

Именно община с ее уравнильным укладом позволила «великорусскому пахарю» освоить огромную зону рискованного земледелия и обеспечить своим трудом и воинской повинностью создание великой державы со всеми необходимыми институтами. Общинный уклад позволил крестьянскому двору организовать хозяйство «ради жизни» (а не ради наживы) – по типу хозяйства семьи (а не рынка)⁸. Семейное хозяйство, основанное на соединении ресурсов, а не их купле-продаже, исключительно эффективно для определенного класса целей. Полная замена его рыночными отношениями невозможна, так как оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад⁹.

На большом международном семинаре в 1995 г., посвященном проблеме голода, историк В.В. Кондрашин говорил: «Страх перед голодом был одной из причин консолидации русского крестьянства в рамках традиционной поземельной общины. В течение столетий в условиях налогового гнета государства, помещичьей кабалы община обеспечивала минимальное приложение сил трудовых своих членов, удерживала массу крестьянских хозяйств от разорения. В общине традиционно была взаимоподдержка крестьян в случае голода. Общественным мнением была освящена помощь в деле спасения от голода слабейших крестьянских семей... Надо сказать, что хроническое недоедание крестьян [в пореформенный период] создавало в России социальную базу для большевизма и распространения уравнильных коммунистических идей...

К концу XIX в. масштабы неурожая и голодных бедствий в России возросли... В 1872–1873 и 1891–1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX в. ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90-х годов XIX в. арендных цен на землю... – все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, раскрестьянивания... Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период... оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий» [88].

Историки отмечают, что под воздействием развития капитализма в российском обществе происходили разнонаправленные процессы. Так, старообрядческие общины стали передавать своим энергичным членам общинные деньги для ведения предпринимательства – сначала торгового, позже промышленного. К 1917 г. большинство отечественных промышленников составляли старообрядцы и их дети. Иначе пошло дело у крестьян.

И. Ионов пишет об этом: «Однако история России знает и *обратную* социокультурную инверсию, своего рода реакцию на процесс вестернизации и модернизации. Ее результатом стало развитие традиционалистских настроений и взглядов. Наиболее ярким фактом, демонстрирующим этот процесс, был рост стремления к уравнильности у русского крестьянства центральных губерний в 1870–1900 гг. в ходе его втягивания в товарно-денежные отношения и развития социального расслоения в деревне, зафиксированного статистикой. Вместо того чтобы стремиться обогатиться за счет других крестьян, расширить свой надел, выйти из общины, крестьяне именно тех губерний, где были сильно развиты отходничество и товарно-

⁸ Уже Аристотель сформулировал основные различия между двумя типами хозяйства. Одно из них – экономия (натуральное хозяйство), что означает «ведение дома», материальное обеспечение экоса (дома) или полиса (города). Это производство и коммерция в целях удовлетворения потребностей, оно не обязательно сопряжено с рынком и движением денег. Другой тип – хрематистика (рыночная экономика). Она нацелена на накопление богатства вне зависимости от его использования. Каждой цивилизации присущи разные конфигурации соотношений и взаимодействия между этими двумя «чистыми» типами хозяйства.

⁹ Проведенный недавно расчет показал, что средняя американская домохозяйка «производит и поставляет» своей семье услуги, которые на рынке стоили бы около 100 тыс. долларов в год.

денежные отношения, стремились к укреплению общины, к переходу от менее уравнилельных (по числу работников) к более уравнилельным (по едокам) переделам земли, предотвращавшим дальнейшее расслоение и ослабление общины. В Московской губернии число таких общин за указанный период возросло в 3 раза (до 77 %), во Владимирской – в 5 раз (до 94 %), в Саратовской – в 41 раз (до 41 %)» [71].

В крестьянской поземельной общине сложилась стройная система нравственных норм и своя система права, которые к началу XX в. соединили всю сеть общин на территории Российской империи в дееспособное гражданское общество, собранное на иных основаниях, нежели на Западе. Социолог У.Р. Каттон (США) приводит такую историю: «В 1921 г. голодную общину на Волге посетил корреспондент американской газеты, собиравший материалы о России. Почти половина общины уже умерла с голоду. Смертность продолжала возрастать, и у оставшихся в живых не было никаких шансов выжить. На близлежащем поле солдат охранял огромные мешки с зерном. Американский корреспондент спросил у пожилого лидера общины, почему его люди не разоружат часового и не заберут зерно, чтобы утолить голод. Старик с достоинством отвечал, что в мешках находятся зерна для посева на следующий год. "Мы не крадем у будущего", – сказал он» [79].

Община была защитным механизмом, позволявшим пережить бедствия, которыми была полна история России, вызванные и природными, и социальными катастрофами (неурожаями, войнами, революциями и реформами). В общинных («традиционных») обществах не допускалась глубокая бедность как социальное явление – кусок хлеба полагался всем. Такая бедность возникла лишь в «современном» обществе Запада (обществе *модерно*).

Французский историк Ж. Дюби так описывал болезненный переход от традиционного уклада к городской жизни Нового времени: «В городе добивались успеха не все. Городское богатство было приключением, везеньем, т. е. нестабильностью. В игре одни выигрывали, другие теряли. На новом социальном пространстве возникало небывалое, сотрясающее душу явление – нищета в неравенстве. Уже не та нищета, что обрушивалась поровну на всю общину, как при голоде в тысячном году. А нищета одного, отдельного человека. Она была возмутительна, потому что соседствовала с неслыханным богатством» [178, с. 138].

Новое, буржуазное, общество приняло бедность части населения и на уровне обыденных житейских обычаев и установок, и на уровне социальной философии. Как писал Ф. Бродель об изменении отношения к бедным, «эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в.». Он приводит такую запись о порядках в европейских городах: «В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы» [20, с. 92].

Установление рыночной экономики впервые в истории породило государство, которое сознательно сделало голод средством политического господства. К. Поланьи в своей книге об истории возникновения рыночной экономики «Великая трансформация» отмечает, что, когда в Англии в XVIII в. готовились новые *Законы о бедных*, философ и политик лорд Таунсенд писал: «Голод приручит самого свирепого зверя, обучит самых порочных людей хорошим манерам и послушанию. Вообще, только голод может уязвить бедных так, чтобы заставить их работать. Законы установили, что надо заставлять их работать. Но закон, устанавливаемый силой, вызывает беспорядки и насилие. В то время как сила порождает злую волю и никогда не побуждает к хорошему или приемлемому услужению, голод – это не только средство мирного, неслышного и непрерывного давления, но также и самый естественный побудитель к труду и старательности.

Раба следует заставлять работать силой, но свободного человека надо предоставлять его собственному решению»¹⁰.

А в России еще «Домострой» учил: «И нищих, и малоимущих, и бедных, и страдающих приглашай в дом свой и как можешь накорми, напои, согрей, милостыню дай». Модернизация лишь придала этому порядку слабый европейский оттенок: Александр I в указе 1809 г. повелел бродяг отправлять к месту жительства «безо всякого стеснения и огорчения» самим бродягам. В северных деревнях дома даже имели специальные приспособления в виде желоба. Нищий стучал клюкой в стену, подставлял мешок, и по желобу ему сбрасывали еду. Устройство находилось на тыльной стороне дома, вдали от окон – «чтобы бедный не стыдился, а богатый не гордился» [150].

В России «право на жизнь» всегда было *естественным* правом. Человек, просто потому что он родился в общине и был «один из нас», имел право на жизнь, а значит, на некоторый минимум благ¹¹. Поэтому так болезненно и было воспринято вторжение западного капитализма, в результате которого с конца XIX в. стали происходить голодные бедствия как социальное, а не стихийное явление. Российское сословное общество и государство стали отходить от патернализма, перестали признавать *право на жизнь*, что и завершилось революцией¹².

Говоря о русской культуре, Н.А. Бердяев отмечает важную особенность: «Русские суждения о собственности и воровстве определяются не отношением к собственности как социальному институту, а отношением к человеку... С этим связана и русская борьба против буржуазности, русское неприятие буржуазного мира... Для России характерно и очень отличает ее от Запада, что у нас не было и не будет значительной и влиятельной буржуазной идеологии» [14].

Развитие капитализма в России побудило крестьянство и значительную часть всех других сословий искать альтернативный проект будущего – не только из-за угрозы социальных бедствий, но и по духовным (даже религиозным) причинам. Так, миллионы людей стали обдумывать тот образ будущего, который в 1917 г. получил имя *советский*.

Апокалиптика и хилиазм

Для выработки больших проектов, устремленных в будущее, необходим поток сообщений особого типа – *Откровений*. «Откровение» тайн будущего (*апокалиптика*) изначально и поныне является столь важной частью общественной жизни, что, по выражению немецкого философа, «апокалиптическая схема висит над историей».

Классификация типов знания для предвидения будущего сложилась в религиозной мысли. Пророки, отталкиваясь от злободневной реальности, задавали путь ее движения в очень отдаленное будущее, объясняли судьбы народов и человечества. *Пророчество* как способ построения образа будущего не утратило своего значения и в наши дни. В переломные периоды это проявляется наглядно, достаточно вспомнить роль Маркса, который, судя по структуре своего учения, был прежде всего пророком.

¹⁰ Эта утрата культуры солидарности осознается и переживается на Западе. Ф. фон Хайек, идейный основатель современного неолиберализма, писал: «Всенародная солидарность со всеобъемлющим этическим кодексом или с единой системой ценностей, скрыто присутствующей в любом экономическом плане, – вещь неведомая в свободном обществе. Ее придется создавать с нуля» [183]. Таким образом, на Западе, по мнению философов нелиберализма, ликвидировали «всенародную солидарность до нуля» – а теперь ее придется «создавать с нуля». Сейчас мы видим, как это сложно: ВВП сокращается на 0,5 %, в результате половина молодежи становится безработной, но растет число миллиардеров.

¹¹ В «Письмах из деревни» А.Н. Энгельгардт подробно описывает правила и ритуалы подаяния крестьянам, которые при неурожаях шли от деревни к деревне «в куски» – уже в 80-е годы XIX в.

¹² Белинский писал Боткину в 1847 г. из Европы, куда он приехал впервые в жизни: «Только здесь я понял ужасное значение слов пауперизм и пролетариат. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожай и голод местами... но нет бедности... Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать – и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!» [11].

«Внизу», в массе, будущее предсказывают прорицатели разного типа. Они не претендуют на то, чтобы услышать Откровение, а дают *трактовку* прежних пророчеств. Предсказания и прогнозы такого рода – необходимый ресурс революций, войн, катастрофических реформ. Почему «откровения», стоящие на столь зыбком фундаменте, так востребованы во все времена? Потому что они задают путь, который, как верят люди, приведет их к светлому будущему. И вера эта становится духовным и политическим ресурсом – люди прилагают усилия и даже несут большие жертвы, чтобы удержаться на указанном пути.

Поэтому прогнозы и имеют повышенный шанс сбыться, хотя изменчивость условий и многообразие интересов множества людей, казалось бы, должны были разрушить слабые стены указанного прорицателем коридора. Чтобы «откровение» стало движущей силой общественных процессов, оно должно включать в образ будущего *свет надежды*. Пророчеству, собирающему людей (в народ, в партию, в класс или государство), всегда присущ *хилиазм* — идея тысячелетнего Царства добра, выраженная в символической религиозной форме¹³. Она зародилась как *ересь* еще в общинах ранних христиан, веривших в возможность построения Царства Божия на земле.

Мобилизующая сила хилиазма колоссальна. По словам С.Н. Булгакова (в молодости марксиста, а позже православного философа), хилиазм «есть живой нерв истории, – историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством... Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном» [20].

В создании образа будущего надежда на избавление сопровождается *эсхатологическими* мотивами (предчувствием преображения мира). К Царству добра ведет трудный путь борьбы и лишений, гонений и поражений, возможно, катастрофа Страшного суда (например, в виде революции – «и последние станут первыми»). Будучи предписанными в пророчестве, тяготы пути не подрывают веры в неизбежность обретения рая, а лишь усиливают ее. В революционной лирике этот мотив очень силен.

Поэт Валерий Брюсов, свидетель и мыслитель революции, патриарх русского символизма и художественный идеолог крупной буржуазии, на склоне лет вступивший в коммунистическую партию, написал:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром – Серп и Молот.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.
Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни,—
Но первой жатвы не увидишь ты.

Образ будущего задает народу «стрелу времени» и включает народ в *историю*. Он соединяет прошлое, настоящее и будущее, скрепляет цепь времен. Культура России пережила почти вековой подъем апокалиптики, замечательно выраженной в трудах политических и православных философов, в приговорах и наказах крестьян, в литературе Ф.М. Достоевского, Л.Н. Тол-

¹³ Хилиазм (от греч. *chilias* – тысяча) – одно из наименований миллениаристских движений, исходящих из веры в возвращении Мессии через тысячу лет.

стого и М. Горького, в поэтической форме стихов, песен и романсов Серебряного века и 20-х годов XX в.

Исключительно важный для предвидения источник знания – откровения художественного творчества. Они содержат предчувствия, которые часто еще невозможно логически обосновать. Георгий Свиридов писал в своих «Записках»: «Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет. Чем ни более он стихийно одарен, тем интенсивней он возглашает о том, что видит этот свет, эту вспышку, протуберанец. Пример тому – великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен».

Корнями апокалиптики русской революции уходит в иное мировоззрение, нежели прочтения Маркса. В ней приглушен сильный у Маркса мотив разрушения «мира зла» и строительства Царства добра *на руинах*. В крестьянской России будущее виделось как *нахождение* утраченного на время града Китежа, как преображение через очищение добра от наслоений зла, произведенного «детьми Каина». Таковы общинный и анархический хилиазм Бакунина и народников, наказов крестьян в 1905–1907 гг., социальные и евразийские «откровения» А. Блока, крестьянские образы будущего земного рая у С. Есенина и Н. Клюева, поэтические образы В. Маяковского («Через четыре года здесь будет город-сад»).

Всякая новая государственность зарождается как политический (и «еретический») бунт. Образ советской власти вырабатывался в полемике с иными цивилизационными проектами (консервативно-сословный и буржуазно-либеральный проекты), которые разделили тогда российское общество. Подобно протестантской Реформации на Западе этот бунт означал радикальный сдвиг в знании о мире, человеке, обществе и власти в России. Во время перестройки ее идеологи (например, академик-экономист С. Шаталин) не без оснований уподобляли весь советский проект хилиазму и отрицали его, как их духовные отцы в 1917 г.

Но всякий большой революционный проект носит черты религиозного движения. Религиозным чувством были проникнуты и революционные рабочие и крестьяне, и революционная интеллигенция. Н. Бердяев писал: «Социальная тема оставалась в России религиозной темой и при атеистическом сознании. "Русские мальчики", атеисты, социалисты и анархисты – явление русского духа. Это очень хорошо понимал Достоевский» [14]¹⁴.

Духовные искания рабочих и крестьян революционного периода отражались в культуре. Исследователь русского космизма С.Г. Семенова так характеризует первый этап становления советского проекта: «Никогда, пожалуй, в истории литературы не было такого широчайшего, поистине низового поэтического движения, объединенного общими темами, устремлениями, интонациями... Революция в стихах и статьях пролетарских (и не только пролетарских) поэтов... воспринималась не просто как обычная социальная революция, а как грандиозный катаклизм, начало "онтологического" переворота, призванного пересоздать не только общество, но и жизнь человека в его натурально-природной основе. Убежденность в том, что Октябрьский переворот – катастрофический прерыв старого мира, выход "в новое небо и новую землю", была всеобщей» [165].

Великим еретиком и богостроителем был М. Горький, один из создателей советского проекта. В своей статье о религиозных исканиях М. Горького историк М. Агурский пишет, ссылаясь на исследования русского мессианизма, что «религиозные корни большевизма как народного движения уходят в полное отрицание значительной частью русского народа существующего мира как мира неправды и в мечту о создании нового "обоженного" мира. Горький

¹⁴ Даже антирелигиозные действия 20-х годов XX в. несли в себе религиозную компоненту. Иван Солоневич писал: «Комсомольского безбожия нельзя принимать ни слишком всерьез, ни слишком буквально. У русской молодежи нет, может быть, веры в Бога, но нет и неверия... Я бы сказал, что русский комсомолец, как он ни будет отбрыкиваться от такого определения, если и атеистичен, то атеистичен тоже по-православному. Если он и делает безобразия, то не во имя собственной шкуры, а во имя "мира на земли и благоволения в человецех"» [169, с. 455].

в большей мере, чем кто-либо, выразил религиозные корни большевизма, его *прометеевское богоборчество*» [2]. Религиозными мыслителями были многие деятели, принявшие участие в создании советской культуры, – В. Брюсов и С. Есенин, Н. Клюев и А. Платонов, В. Вернадский и К. Циолковский¹⁵.

М.М. Пришвин записал в своем дневнике 7 января 1919 г.: «Социализм революционный есть момент жизни религиозной народной души: он есть прежде всего бунт масс против обмана церкви, действует на словах во имя земного, материального изнутри, бессознательно во имя нового бога, которого не смеет назвать и не хочет, чтобы не смешать его имя с именем старого Бога» [149].

В целом, большинство населения России подошло к 1917 г., охваченное предчувствием великого преобразования мира через революцию. Обсуждались и становились все более явными черты будущей благой жизни, образ которой вскоре и оформился как советский проект. Мессианской страстью были проникнуты и стремления тех, кто этого проекта не принимал.

Сдвиги в самосознании российских трудящихся

Справедливость — едва ли не самая древняя из осознанных человеком ценность. Она еще питается умолкающими под гнетом культуры инстинктами сохранения жизни и продолжения рода. Такие ценности, как равенство, классовый или национальный интерес, прогресс и права личности, выработаны в культуре совсем недавно, в современную эпоху. А о справедливости как основании права и государства писали такие философы древности, как Сократ, Платон и Аристотель, в понятных нам терминах и логике.

Социальная справедливость как принятый и признанный обществом тип распределения тягот и благ различна в разных культурах и обществах в разные периоды времени. В сословном обществе, которое существовало в России до 1917 г., представления о справедливости выработывались исходя из объективной и духовной реальности, как распределение социальных ролей, прав и обязанностей всех сословий. И материальная реальность, и культура менялись, писанные и неписанные договоры нарушались, противоречия достигали критического порога. Случались бунты. Тягловые сословия, прежде всего крестьяне, восставали против помещиков и защищавшей их власти, как нарушивших систему прав и обязанностей. Но эти бунты и восстания не предполагали изменения всей структуры общества или статуса сословий – крестьяне не пытались произвести «экспроприацию экспроприаторов» и стать помещиками.

Это положение стало быстро меняться в ходе *модернизации*. Европейское образование принесло в Россию новые понятия, выработанные Просвещением. Наложившись на православную культуру, эти идеи толкнули исторический ход событий в России в совсем иной «коридор», нежели на Западе. В кратчайший период в среде образованной молодежи соединились идеи православного гуманизма и братства людей с национальной идеей России. Возник росток современного светского и гуманистического российского мировоззрения с сильной революционной компонентой.

Надо сегодня вчитаться в стихи, написанные совсем юным А.С. Пушкиным в 1818 г.:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,

¹⁵ Не будем забывать, что представления о будущем, порождаемые революционным сознанием, всегда содержат сильную составляющую мессианизма и утопизма. Столкновения разных пророчеств ведут к политическим конфликтам. Например, у М. Горького из утопии рационального планируемого будущего выводилась идея борьбы с природой, как стихией, и даже ненависть к крестьянству, как «воплощенной стихийности». Социалистический утопизм соединялся с «естественнонаучным», и это наблюдалось у виднейших и даже великих советских ученых. Лишь с начала 30-х годов XX в. началось, шаг за шагом, «охлаждение» технократического энтузиазма и массовой веры в близкое чудо. Этот консервативный сдвиг (борьба с «левацким уродством») был очень болезненной и сложной программой.

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

А. Радищев сострадал угнетенным и возмущался несправедливостью, он говорил эпическим языком традиции. Пушкин же дал язык и новый *понятийный аппарат*. Философ В.В. Розанов сказал, что российскую монархию убила классическая русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины.

В 1823 г. Пушкин пишет стихотворение «Деревня», в котором уже виден вектор *социального* проекта, ставится вопрос об изменении самого типа российского общества:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь *барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

И это не юношеский романтизм, стихи отражают состояние умов целой социокультурной группы, влияние которой так и росло до 1917 г. М.А. Бакунин, давая отповедь на серию статей Ф. Энгельса о реакционном характере России, русского народа и крестьян (в сравнении с «революционными немцами»), пишет в книге «Кнута-германская империя и социальная революция»: «С 1818 по 1825 год мы видели, как несколько сот дворян, цвет дворянства, принадлежащего к наиболее образованному и богатому классу, подготовили заговор, серьезно угрожавший императорскому деспотизму... основываясь... на полном освобождении крестьян с наделением их землею. С тех пор не было в России ни одного заговора, в котором бы не участвовала дворянская молодежь, часто очень богатая. С другой стороны, все знают, что по преимуществу сыновья наших священников, студенты академий и семинарий составляют в России священную фалангу революционной социалистической партии...»

Можете ли вы вообразить себе немецкого бюрократа или же офицера немецкой армии, которые были бы способны составить заговор и восстать за свободу, за освобождение народов? Несомненно, нет... Ну, а бюрократия русская и русские офицеры насчитывают в своих рядах многих заговорщиков, борющихся за благо народа... И я повторяю, большое счастье для русского народа, что он не проникся этой цивилизацией точно также, как не проникся и цивилизацией монголов» [9].

Тот факт, что ни русский народ, ни русская революция «не прониклись этой цивилизацией», т. е. буржуазным духом, стал ясен с самого начала этого процесса, с декабристов. Уже тогда США стали выразителем нового духа Запада, и А. Пушкин сказал: «Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом». А Н.В. Гоголь добавил: «Что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит».

Но обратимся снова к непосредственно предреволюционному периоду. Реформа 1861 г., предоставив простор для развития капитализма в России и модернизации многих сторон жизни, в то же время породила глубокий кризис («Распалась цепь великая, распалась и ударила – одним концом по барину, другим по мужику»). Происходила ломка хозяйственных укладов. В докапиталистической стадии развития хозяйства России отсутствовал уклад городского хозяйства, подобный укладу западных городов с их сложной цеховой организацией ремесленной промышленности и мануфактуры. Основная масса русской мелкой промышленности была рассеяна по деревням. Теперь развивалась городская промышленность с большими фабриками и заводами, формировались новые социальные и культурные типы, новые общности типа трудовых коллективов, в том числе многонациональных.

Изменился уклад деревни, был разорван «общественный договор» между крестьянами и помещиками, резко возросла роль общины в жизнеустройстве деревни. Крестьяне были «освобождены» так, что были обязаны платить за свою землю «выкупные» (их отменили только вследствие революции 1905 г.). Феодальная собственность помещиков стала преобразовываться в частную, что означало резкий перелом в социальных отношениях. Исторически в ходе собирания земель в процессе превращения «удельной Руси в Московскую» шел обратный процесс – упразднение зачатков частной собственности, владение землей стало государственной платой за обязательную службу. Некоторые историки именно в этом видят главную задачу опричнины Ивана Грозного. Американский историк Р. Пайпс пишет: «Введение обязательной службы для всех землевладельцев означало... упразднение частной собственности на землю. Это произошло как раз в то время, когда Западная Европа двигалась в противоположном направлении. После опричнины частная собственность на землю больше не играла в Московской Руси сколько-нибудь значительной роли» [171].

При частной собственности на землю аграрное перенаселение в России позволило поднять арендную плату в 4–5 раз выше капиталистической ренты. Поэтому укреплялось не капиталистическое, а трудовое крестьянское хозяйство – процесс шел совершенно иначе, чем на Западе. А.В. Чаянов пишет: «В России в период, начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г., в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам» [187, с. 143].

В то же время государство с помощью налогообложения стало разрушать натуральное хозяйство крестьян, заставляя их выносить продукт на рынок, что обеспечивало валютные поступления от экспорта зерна. В середине 70-х годов XIX в. средний доход крестьян с десятины в европейской части России составлял 163 коп., а все платежи и налоги с этой десятины – 164,1 коп. Поэтому практически все крестьяне занимались отхожим промыслом или сочетали земледелие с сезонной работой в промышленности. Резко повысилась мобильность населения. Сословное общество России, оставаясь в главных признаках обществом традиционным, быстро модернизировалось.

Это сказывалось и на самосознании. В него проникали мировоззренческие структуры Просвещения, которые резко изменяли установки и крестьян, и рабочих, но этого не видела правящая элита. Правящей верхушке России в начале XX в. было присуще наивное представление о реальности, главные противоречия которой якобы могут быть разрешены общенародной любовью к монарху и его непререкаемым авторитетом. Сдвигов в массовом сознании крестьян в послереформенный период старались не замечать. Как результат, вера царя в крестьянский монархизм в существенной мере предопределяла неадекватность всей его политической доктрины.

Л.Н. Толстой писал в 1895 г.: «В то время как высшие правящие классы так огрубели и нравственно понизились, что ввели в закон сечение и спокойно рассуждают о нем, в крестьянском сословии произошло такое повышение умственного и нравственного уровня, что употребление для этого сословия телесного наказания представляется людям из этого сословия не только физической, но и нравственной пыткой» [174].

Насколько верхушка была оторвана от реальности, говорит простодушная похвальба царя П.А. Столыпину, тогда саратовскому губернатору: «Если б интеллигенты знали, с каким энтузиазмом меня принимает народ, они так бы и присели».

Главное было в том, что принципиально менялись представления о *справедливости*. В прошлом крестьянские бунты и восстания были следствием нарушения помещиками и чиновниками межсословных «договоров», невыполнением их традиционных обязанностей. Крестьяне бунтовали против «злых помещиков» и «злых бояр», но не против самого устройства сословного общества и тем более не против монархии – она была легитимирована Откровением, нападки на царя – это почти нападки на Бога. В 70—80-е годы XIX в. крестьяне зачастую сами вязали и сдавали в полицию агитаторов, которые «шли в народ» и пытались объяснить несправедливость всего общественного строя. В начале XX в. крестьяне стали считать несправедливым и нетерпимым само социальное *неравенство*.

Проблема *осознания* массами объективной реальности и определения привычной несправедливости как *зла* исключительно важна для объяснения процессов созревания революции и выработки советского проекта, актуальна она для нас и сегодня. Реформа 1861 г., как она была проведена, «включила» этот процесс осознания. Де Токвиль, изучавший революцию, делает такой общий вывод: «Зло, которое терпеливо сносили как неизбежное, становится нестерпимым, коль скоро воспринята идея избавления от него. Тогда все устраненные злоупотребления представляются менее значимыми в сравнении с теми, что остались, так что ощущение их становится более болезненным. Зло действительно стало меньшим, но более острой становится чувствительность к нему».

Эта проблема во второй половине XX в. стала предметом интенсивных исследований. Социолог и культуролог Л.Г. Ионин пишет: «Обратимся к *традиционному* обществу... Зарождается сословная структура: возникают различия между крестьянами и ремесленниками, между последними и знатью. Но и здесь социальное неравенство не выглядит и не является проблемой, ибо объективное неравенство в этих обществах воспринимается как часть *божественного порядка*. Принцип вертикальной классификации интерпретируется как частное проявление идеи мирового порядка – божественной иерархии, воплотившейся в иерархии сословий и каст...

В *современном* обществе по сравнению с простым и традиционным ситуация существенным образом меняется... Многообразные объективные неравенства не только осознаются как таковые, но и интерпретируются с точки зрения идеала равенства. Поэтому они воспринимаются как факты социального неравенства и становятся как предметом общественного дискурса, так и причиной многих классовых и прочих конфликтов. Возникают – в противоположность теориям божественной иерархии или природного порядка – многочисленные теории социальной структуры... К задачам исследователя прибавляется анализ социального неравенства (то, что для ученых прошлых времен – магов, шаманов, монахов – попросту не было темой) и путей его преодоления...

Фактическому неравенству был противопоставлен идеал равенства, и с этого времени – с века Просвещения – борьба за равенство стала одним из основных мотивов современной культуры. Впоследствии, во второй половине XIX в., открытие социального неравенства и требование равенства было осмыслено как часть грандиозного духовного переворота того времени» [70].

Огромную роль в зарождении советского проекта сыграла революция 1905–1907 гг. В тот момент в подавляющем большинстве населения еще были надежды на общественный договор с монархическим государством и привилегированным меньшинством, но в то же время уже возникло, по выражению Т. Шанина, «межклассовое единство низов».

В социальном, культурном, мировоззренческом отношении крестьяне и рабочие, которые представляли собой более 90 % жителей России, являлись единым народом, не разделенным сословными и классовыми перегородками и враждой. Этот единый народ рабочих и крестьян и был *гражданским обществом* России – ядром всего общества, составленного из свободных граждан, имеющих сходные идеалы и интересы. Оно отличалось от западного гражданского общества тем, что представляло собой *Республику трудящихся*, в то время как ядро западного общества представляло собой *Республику собственников*. Сословные «оболочки» российского общества (дворяне, буржуазия, чиновничество) утрачивали жизненные силы и даже в краткосрочной перспективе должны были занять подчиненное положение, как это и произошло в советское время на целый исторический период.

Более того, это «русское гражданское общество» было очень развитым и в смысле внутренней организации. Если на Западе после рассыпания общин и превращения людей в «свободные атомы» потребовалось около двух веков для того, чтобы из этой человеческой пыли начали складываться *ассоциации* для ведения борьбы за свои права и интересы (партии, профсоюзы и т. д.), то Россия эти структуры унаследовала от своей долгой истории. Такой структурой, принимавшей множественные и очень гибкие формы, была *община*, пережившая татарское иго и феодализм, абсолютизм монархии и наступление капитализма. Соединение большинства граждан в общины сразу создавало организационную матрицу и для государственного строительства и самоуправления, и для поиска хозяйственных форм с большим потенциалом развития.

В ходе революции 1905–1907 гг. русские рабочие и крестьяне обрели столь сильно выраженное гражданское чувство, что стали *народом* даже в том смысле, какой придавали этому слову якобинцы, – революционным народом, спасающим Отечество. Именно в эти годы на сельских сходах обсуждался образ чаемого будущего, составлялся план *благой жизни* — по всем главным ее срезам, от национализации земли до всеобщей системы образования.

Летом 1905 г., уже в разгар революции, при обсуждении с царем положения о выборах в Государственную Думу один сановник предложил исключить грамотность как условие для избрания. Он сказал: «Неграмотные мужики, будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные». Министр финансов В.Н. Коковцов возразил, сказав, что неграмотные «будут только пересказывать эпическим слогом то, что им расскажут или подскажут другие». Однако, как он вспоминает, царь обрадовался благонадежности неграмотных. В тот момент это уже было не просто ошибочным, но и очень опасным взглядом – отлучение крестьян от образования стало одной из важных причин их сдвига к революционным установкам.

Образовательная политика царского правительства в отношении крестьян поражает своим дискриминационным характером. Крестьян-общинников, которые получали образование, согласно законодательству, действовавшему до осени 1906 г., исключали из общины с изъятием у них надельной земли. Крестьянин реально не мог получить даже того образования, которое прямо было ему необходимо для улучшения собственного хозяйства, – в земледельческом училище, школе садоводства и др., поскольку окончившим курс таких учебных заведений присваивалось звание *личного почетного гражданства*. Вследствие этого крестьянин формально переходил в другое сословие и утрачивал право пользования надельной землей. Лишались такие крестьяне и права избирать и быть избранными от крестьянства. Как пишет Л.Т. Сенчакова, «понятие *образованные крестьяне* выглядело логическим абсурдом: одно из двух – или образованные, или крестьяне» [167, т. 1, с. 180].

В приговоре в I Государственную Думу схода Спасо-Липецкого сельского общества (Смоленская губ., 4 июня 1906 г.) говорилось: «Страдаем мы также от духовной темноты, от невежества. В селе у нас есть церковная школа, которая ничего населению не приносит. Обучение же в ней с платой (за каждого ученика вносится 1 р. денег и воз дров, а также натурой). Те скудные знания, которые дети получают в школе, скоро забываются. О библиотеках и читальнях и помину нет» [167, т. 1, с. 185].

Более того, в среде крестьян сложилось устойчивое убеждение, что правящие круги злонамеренно препятствуют развитию народного просвещения и образования. В приговоре в I Государственную Думу схода крестьян с. Воскресенского Пензенского уезда и губ. (июль 1906 г.) сказано: «Все начальники поставлены смотреть, как бы к мужикам не попала хорошая книга или газета, из которой они могут узнать, как избавиться от своих притеснителей и научиться, как лучше устраивать свою жизнь. Такие книги и газеты они отбирают, называют их вредными, и непокорным людям грозят казаками» [167, т. 1, с. 185].

В 1905–1907 гг. газета стала важным атрибутом крестьянской жизни в России. Вот сообщение мая 1906 г.: «Буквально не было ни одного глухого уголка, откуда бы не несся один вопль: дайте нам газету! По данным статистического отделения московской губернской земской управы, из ответов 700 корреспондентов из 700 деревень губернии выясняется, что газеты или журналы получают в 79 % деревень и на каждую деревню приходится по 2–3 периодических издания». Газеты читали вслух, информацию получала вся деревня. Вот сообщение из газеты «Страна» (10 мая 1906 г.): «Ты, Павел, – обратились крестьяне одной деревни Юрьевского у. Владимирской губ. к грамотею, читавшему им долгую зиму газеты, – не паши, не коси, ты читай и нам передавай, а мы за тебя все делать станем». И Павел читал газеты в горячую страдную пору и передавал содержимое своим односельчанам, а они благодарили его и хвалили» [166].

В этих новых условиях складывались общий понятийный язык и общая мировоззренческая матрица подавляющего большинства русского народа. Сложилось одно из важнейших условий для великой революции – «кристаллизация общественного мнения, т. е. осведомленность недовольных о том, что в равной степени недовольны и другие, и они, вероятно, присоединятся ко мне в выражении моего недовольства. Взаимная осведомленность о возмущении... создает тот род требований перемен, который становится эффективным при свершении революций» [36].

Крестьяне России переросли сословное устройство общества, они обрели именно *гражданское* чувство. Судя по многим признакам, оно им было присуще даже в гораздо большей степени, нежели привилегированным сословиям. 12 июля 1905 г. крестьяне с. Ратислова Владимирской губ. составили приговор, в котором содержался такой пункт: «Третья наша теснота – наше особое, крестьянское положение. До сих пор смотрят на нас, как на ребят, приставляют к нам нянек, и законы-то для нас особые; а ведь все мы члены одного и того же государства, как и другие сословия, к чему же для нас особое положение? Было бы гораздо справедливее, если бы законы были одинаковы, как для купцов, дворян, так и для крестьян равным образом и суд был бы одинаков для всех» [167, т. 2, с. 251].

В период работы I Государственной Думы произошел всплеск политической активности крестьян. Они в массовом масштабе освоили чтение газет. Вот, исправник Юрьев-Польского уезда пишет доклад губернатору Владимирской губернии (3 июня 1906 г.): «Благодаря массе получаемых крестьянами газет, причем предпочитают ими более резкие, интерес к которым у крестьян очень велик, они знают все, что происходит в Петербурге... Каждая газета со стенографическим отчетом заседаний Государственной думы действует настолько разжигающе, что прокламации становятся почти безвредными листками.

Крестьяне знают, как дума относится к министрам, и это приобретает громадное значение и силу, так как делается открыто, пишется во всех газетах, причем передовые статьи

еще более разъясняют смысл происходящего, всецело становясь на сторону более дерзких в выражениях депутатов. Уважение к власти благодаря этому у крестьян падает с поразительной быстротой. Разосланные экземпляры ответа Совета министров на адрес думы произвели на крестьян неблагоприятное впечатление и повели к ухудшению настроения...

В настоящее время настроение у крестьян сильно приподнятое, почти ежедневно во всех селениях уезда под вечер крестьяне собираются у какого-либо дома, и все разговоры их о думе, о ее заботах об них, о скорой перемене условий жизни и обязательно о земле» [167, т. 1, с. 89–90].

Но главное, появление Государственной Думы – представительного, хотя и безвластного органа – породило особую форму политической борьбы крестьянства – составление петиций, наказов и приговоров, значительная часть которых направлялась в Государственную Думу. В российских законах отсутствовало петиционное право – подача всяческих прошений и проектов «об общей пользе» после реформы 1861 г. была запрещена. Особенно этот запрет был оговорен при учреждении Государственной Думы. В параграфе 61 положения о Государственной Думе было сказано: «В Государственную Думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные и письменные заявления и просьбы» [167, т. 1, с. 36].

Таким образом, составляя наказания и приговоры, крестьяне прекрасно понимали, что коллективно совершают противоправные политические действия, и эти действия были уже активной формой борьбы. Размах ее был велик. В I Государственную Думу поступило свыше 4000 пакетов и телеграмм. Только в Трудовую группу депутатов было подано более 400 приговоров и наказов из 50 губерний.

Поскольку наказ или приговор должны были подписывать все участники сельского схода, и это считалось уголовным преступлением, не могло быть и речи о том, чтобы отнестись к составлению текста легковесно. Тем более крестьяне не допускали, чтобы в него внесли свои требования и формулировки какие-то посторонние люди (например, политические агитаторы каких-либо партий).

Известен, например, такой случай. Крестьяне двух деревень Клинского уезда составили на сходе приговор и отдали поправить его врачу местной фабрики. Но, боясь, что он, как человек «рабочей партии», может приписать что-то лишнее, дали после него проверить текст попу-черносотенцу. Затем снова попросили врача посмотреть, «не наплел ли он чего-либо» [167, т. 1, с. 96].

В посланиях крестьян в Государственную Думу хорошо видно, какие надежды возлагали крестьяне на эту возможность решить свои жгучие проблемы *в рамках монархической государственности*. Как будто чувствовали, что эта возможность – последняя. Сельский сход деревни Виткулово Горбатовского уезда Нижегородской губернии написал: «Единственный светлый луч блеснул перед нами – это обещанная Государственная Дума, и единственная надежда наша на нее. Мы верим, что дума поможет нам выбраться из лап нужды и позаботится вывести нас из тьмы на путь света» [167, т. 2, с. 221].

А вот приговор Вишнегунского сельского общества Львовского уезда Костромской губернии: «Приветствуем вас, наши любимые избранники! Трудна и тяжела ваша работа; это не работа, а скорее всего упорная борьба со старым порядком порядка нового... На вас вся наша надежда; все наши взоры и мысли из бедных забытых лачужек устремлены туда, где возвышается пышный Таврический дворец. Ежечасно мы ждем, что воссияет из этого дворца солнце свободы, добра и правды» [167, т. 2, с. 222].

Наверное, ни один парламент в мире никогда не получал таких драматических и поэтических посланий. «Мы с вами и за вас. Вы умерли, а мы с вами...» (Ивонинская вол. Смоленской губ.). «Государственная Дума в нашем представлении есть святыня и заступница всего угнетенного народа... Требуйте, мужайтесь, иначе и не возвращайтесь к нам» (Ливенский уезд Орлов-

ской губ.). «Пока крестьян не убоготворите, потудово не приезжайте в наше общество» (Новоскольский уезд Курской губ.).

В очень многих приговорах и наказах крестьяне прямо предупреждают, что их надежда на Государственную Думу – последняя. Если она окажется бессильной, то переход к борьбе с применением насилия станет неизбежным. Так, сход крестьян деревни Куниловой Тверской губернии писал: «Если Государственная Дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 г., в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков» [167, т. 2, с. 272].

Понятно, что разгон I Государственной Думы стал переломным моментом в настроениях крестьян, это был еще не осознанный поворот к войне. Еще большим потрясением стал разгон II Государственной Думы. Александр Блок 3 июня 1907 г., в день разгона II Государственной Думы, написал о «хозяевах» российской жизни:

Тропами тайными, ночными
При свете траурной зари
Придут замученные ими,
Над нами встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит времен величье
И розоперстая судьба!..

Существенно, что на II Государственную Думу крестьяне уже не возлагали таких надежд, как на первую. Так, резко сократилось число направленных туда наказов и приговоров (1900 против 4000), при этом заявления эти присылались более отсталыми слоями крестьянства из более глухих уголков страны – теми, кто еще сохранял иллюзии, от которых освободился авангард.

Новый избирательный закон почти не пропустил крестьян в III Государственную Думу. Но и немногие депутаты-трудовики (нередко сельские учителя, выдвинутые общинным сходом) повторили в этом «заповеднике консервативных помещиков» главные крестьянские требования: передел земли, выборность государственных чиновников и отмена столыпинской реформы. Все это говорит о том, что у крестьян России имелась невидимая, не выраженная в партиях, но целостная идеология и система общенациональной организации, способная четко выразить главные требования и поддержать своих депутатов, которые эти требования выдвигали в думе.

Когда читаешь эти приговоры и наказания в совокупности, то видишь, что революция означала для крестьян переход в качественно иное духовное состояние. Их уже нельзя было удовлетворить какими-то льготами и «смягчениями» – требование свободы и гражданских прав приобрело экзистенциальный характер, речь велась о проблеме бытия. *«Желаем, чтобы все перед законом были равны и назывались бы одним именем – русские граждане».* Приговор

схода крестьян деревни Пертово Владимирской губернии, направленный во Всероссийский крестьянский союз (5 декабря 1905 г.), гласил: «Мы хотим и прав равных с богатыми и знатными. Мы все дети одного Бога, и сословных различий никаких не должно быть. Место каждого из нас в ряду всех, и голос беднейшего из нас должен иметь такое же значение, как голос самого богатого и знатного» [167, т. 2, с. 252].

В рамках мироощущения традиционного общества крестьяне России начала XX в. имели развитые и одинаково понимаемые в пределах России представления о гражданских свободах. Вот что сказано в принятом 31 июля 1905 г. приговоре Прямухинского волостного схода Новоторжского уезда Тверской губернии: «Крестьяне давно бы высказали свои нужды. Но правительство полицейскими средствами, как железными клещами, сдавило свободу слова русских людей. Мы лишены права открыто говорить о своих нуждах, мы не можем читать правдивое слово о нуждах народа. Не желая дольше быть безгласными рабами, мы требуем: свободы слова, печати, собраний» [167, т. 2, с. 254].

В июне 1905 г. в Петербурге прошло совещание 26 губернских предводителей дворянства, которое поддержало требования земцев о проведении конституционных реформ. В записке, поданной царю, содержалась важная и глубокая мысль: «Роковое стечение обстоятельств таково, что, если бы удалось силою отсрочить революцию, не устранив ее причин, каждый месяц такой отсрочки отозвался бы в грядущем несоразмерным усилением ее кровавой беспощадности и безумной свирепости» [35, с. 156].

Революция 1905–1907 гг. была лишь первой пробой сил. Она не достигла всех своих целей, но стала «университетом» для рабочих и крестьян. Никакой подавленности и униженности во взглядах крестьян после поражения революции не наблюдается – они рассматривают будущую революцию как трагическую, но все более неизбежную альтернативу. И в этом нет никакого чувства мести, а есть осознание того, что у народа, видимо, не будет иного пути, как «временно впасть в пучину бедствий».

Наказ крестьян с. Никольского Орловского уезда и Орловской губернии в I Государственную Думу (июнь 1906 г.) гласит: «Если депутаты не истребуют от правительства исполнения народной воли, то народ сам найдет средства и силы завоевать свое счастье, но тогда вина, что родина временно впадет в пучину бедствий, ляжет не на народ, а на само слепое правительство и на бессильную думу, взявшую на свою совесть и страх действовать от имени народа» [167, т. 2, с. 271].

Начался отход крестьян от государства. Приговор крестьян дер. Стопино Владимирской губ. во II Государственную Думу в июне 1907 г. гласил: «Горький опыт жизни убеждал нас, что правительство, века угнетавшее народ, правительство, видевшее и желавшее видеть в нас послушную платежную скотину, ничего для нас сделать не может... Правительство, состоящее из дворян чиновников, не знавшее нужд народа, не может вывести измученную родину на путь права и законности» [167, т. 2, с. 239].

Историк крестьянства Э. Вольф пишет: «Революционная активность, очевидно, является результатом не столько роста промышленного пролетариата как такового, сколько расширения промышленной рабочей силы, все еще тесно связанной с деревенской жизнью. Сама попытка среднего и "свободного" крестьянина остаться в рамках традиций делает его революционным» [30].

Из революции 1905–1907 гг. В.И. Ленин и идущая за ним часть большевиков сделали фундаментальные выводы. Уроки этой революции позволили им преодолеть важнейшие догмы марксизма и начать строить новую концепцию общества, государства, революции и даже мироустройства (*марксизм-ленинизм*). По мере того как продвигалась эта работа, партия большевиков все больше приобретала *национальный* (точнее, *народный*) характер. Важнейшим поворотом на этом пути стало принятие и развитие идеи *союза рабочих и крестьян* как субъекта русской революции. Эта идея, высказанная М. Бакуниным в его полемике с К. Марксом, стала

затем частью представлений народников. Русские ортодоксальные марксисты (Г.В.Плеханов) верно оценили ее как откат от марксизма к народничеству. Для большевиков зеркалом русской революции стал Лев Толстой – выразитель мировоззрения русского общинного крестьянства.

Альтернативные проекты. Реформа Столыпина

В первые годы XX в. и либералы, и социал-демократы исходили из того постулата, который был сформулирован уже в предисловии к «Капиталу» К. Маркса, – капиталистический способ производства должен охватить все пространство («весь аграрный строй государства становится капиталистическим»). Другими словами, вся сельская Россия в принципе должна стать капиталистической, а крестьянство должно разделиться на фермеров и сельский пролетариат – к этому направлена русская революция.

И народники, и А.Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» старались показать, что это невозможно в принципе, а не из-за косности крестьянства. В своей теории К.Маркс преувеличивал роль капитализма, приписав ему неоправданно большую долю достижений человечества. Одновременно он слишком принизил роль всех иных типов хозяйства – в том числе и на самом Западе (например, в XIX в. семейное хозяйство на Западе составляло, вероятно, больше половины всего народного хозяйства, но о нем К. Маркс вообще не вспоминает).

В 80-е годы XIX в. экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В.П. Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». При этом народники прекрасно знали марксизм, многие из них были лично знакомы с К. Марксом или находились с ним и Ф. Энгельсом в оживленной переписке.

Возможность русской общины встроиться в индустриальную цивилизацию еще до народников предвидели славянофилы. А.С. Хомяков видел в общине именно цивилизационное явление – «уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории» – и считал, что община крестьянская может и должна развиваться в общину промышленную. О значении общины как учреждения для России он писал: «Отними его, не останется ничего; из его развития может развиваться целый гражданский мир».

Еще более определенно высказывался Д.И. Менделеев, размышляя о выборе для России такого пути индустриализации, при котором она не попала бы в зависимость от Запада: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение». [160, с. 169, 343–344].

Более того, в конце XIX в. Россия уже и не могла встроиться в западный капитализм. Сегодня, на основании большого массива исследований «третьего мира», вовлеченного в мировую систему капитализма, мы видим, что капитализм есть *система-кентавр*. Эта система сложилась как *центр* и *периферия* (иногда добавляют и «полупериферию»). Возникновение в *центре* капиталистического уклада с высоким уровнем производства неминуемо сопровождается разрастанием окружающей его «оболочки» из массы хозяйств, ведущих натуральное или полунатуральное хозяйство. Для капиталистического уклада симбиоз с этим «архаическим» хозяйственным пространством необходим, он без него не может существовать.

Россия в начале XX в. могла обеспечить средствами для интенсивного хозяйства лишь кучку капиталистических хозяйств помещиков (на производство 20 % товарного хлеба), но не более. Остальное – горбом крестьян. В 1910 г. в России в работе было 8 млн. деревянных сох, более 3 млн. деревянных плугов и 5,5 млн. железных плугов. Соха дополняла плуг, а не воевала с ним.

Вот фундаментальный факт: крестьяне арендовали землю по цене, намного превышающей доход от предмета аренды. А.В. Чаянов пишет: «Многочисленные исследования русских аренд и цен на землю установили теоретически выясненный нами случай в огромном количестве районов и с несомненной ясностью показали, что русский крестьянин перенаселенных губерний платил до войны аренду выше всего чистого дохода земледельческого предприятия» [187, с. 407].

Расхождения между доходом от хозяйства и арендной платой у крестьян были очень велики. А.В. Чаянов приводит данные для 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по всей губернии арендная плата за десятину озимого клина составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины озимого при экономичном посеве была 5,3 руб. В некоторых уездах разница была еще больше. Так, в Коротоякском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб., а чистая доходность десятины 2,7 руб. Ясно, что землевладельцу было выгоднее сдать землю в аренду, чем вести на ней фермерское капиталистическое хозяйство. Поэтому западнический проект кадетов осуществить либеральную модернизацию сельского хозяйства, превратив крестьян в фермеров, уперся в непреодолимые ограничения.

Попытка модернизации села через разрушение общины при сохранении помещичьего землевладения («реформа Столыпина») лишь ухудшила положение большинства крестьян¹⁶. Это породило и острую *духовную* проблему. Церковь стала утрачивать свой авторитет, скреплявший национальное сознание. Это привело к отходу крестьянства от монархии, которую легитимировала церковь. Начиная с 1906 г. из епархий в Синод стал поступать поток донесений о массовом отходе рабочего люда от церкви. В 1906 г. один из сельских сходов направил в Государственную Думу свое решение закрыть местную церковь, так как «если бы был Бог, то он не допустил бы таких страданий, таких несправедливостей». Расширился охват крестьян сектантством. В народных религиозных верованиях, например, в тайных псалмах духоборцев, «детьми Каина» назывались «зараженные сребролюбием господа», а «детьми Авеля» – бедные люди, которые «питаются трудом».

Другое главное противоречие программы кадетов заключалось в том, что они стремились ослабить или устранить тот барьер, который ставило на пути развития либерального капиталистического общества самодержавие с его сословным бюрократическим государством. В этом вопросе был важен анализ М. Вебера, который собран в его «Русских штудиях».

М. Вебер считал, внимательно изучая революцию 1905 г. и концепции российских либералов, что происходящие в России процессы имели важное значение для обществоведения. Это было первое крупномасштабное столкновение традиционного (в основном крестьянского) общества с наступающим на него современным капитализмом. Такое столкновение давало очень ценное знание как о современном капитализме, так и о его главном противнике – традиционном обществе. М. Вебер даже изучил русский язык, чтобы следить за ходом событий.

Анализируя проекты кадетов в контексте социальной и культурной ситуации в России, М. Вебер предвидел, что в случае поражения монархии через прорванную кадетами плотину хлынет мощный *антибуржуазный* революционный поток, так что идеалы кадетов станут абсолютно недостижимы. Либеральная аграрная реформа, которую предлагали кадеты, «по всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», – вот вывод М. Вебера. Таким обра-

¹⁶ Так, в результате расширения экспорта зерна сократилось животноводство и повысились цены на мясо. В статье «Обзор мясного рынка» («Промышленность и торговля», 1910, № 2) сказано: «Все увеличивающаяся дороговизна мяса сделала этот предмет первой необходимости почти предметом роскоши, недоступной не только бедному человеку, но даже и среднему классу городского населения». Крестьяне ели мяса намного меньше, чем в городе. Именно из-за недостаточного потребления белковых продуктов и особенно мяса жители Центральной России стали в начале XX в. такими низкорослыми. В Клинском уезде Московской губернии в 1909 г. мужчины к окончанию периода роста – 21 году – имели в среднем рост 160,5 см, а женщины – 147 см. Более старшее поколение было крупнее. Мужчины 50–59 лет в среднем имели рост 163,8 см, а женщины – 154,5 см.

зом, их реформа «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры».

При этом политические требования кадетов как будто совпадали с крестьянскими: и те и другие поддерживали идею всеобщего избирательного права. Но М. Вебер считал, что оценки кадетов ошибочны, потому что крестьяне в своих требованиях исходят из совсем иного основания: в их глазах всякие ограничения избирательного права противоречат традиции русской общины, в которой каждый землепользователь имел право голоса. Как пишет Вебер, «ни из чего не видно, что крестьянство симпатизирует идеалу личной свободы в западноевропейском духе. Гораздо больше шансов, что случится прямо противоположное. Потому что весь образ жизни в сельской России определяется институтом полевой общины».

М. Вебер писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг – царское правительство – не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная историческая ситуация, и нам было бы очень полезно разобрать ее сегодня. Неудача кадетов очень важна для понимания России.

Под воздействием импортированного капитализма русская буржуазия до срока состарилась и, вступив в союз с бюрократией, оказалась неспособной совершить то, что на Западе совершила юная буржуазия. Историк-эмигрант А. Кустарев (А. Донде), изучавший «Русские штудии» М. Вебера, пишет: «Самое, кажется, интересное в анализе Вебера – то, что он обнаружил драматический парадокс новейшей истории России. Русское общество в начале XX в. оказалось в положении, когда оно было вынуждено одновременно "догонять" капитализм и "убегать" от него. Такое впечатление, что русские марксисты (особенно Ленин) вполне понимали это обстоятельство и принимали его во внимание в своих политических расчетах, а также в своей зачаточной теории социалистического общества. Их анализ ситуации во многих отношениях напоминает анализ Вебера» [91].

Это верное замечание, и надо только удивляться, что к сходным выводам М. Вебер и В.И. Ленин пришли после революции 1905–1907 гг., исходя из совершенно разных философских посылок.

Альтернативный либеральному проект консервативной модернизации – в рамках монархического государства и без ликвидации помещичьего землевладения – был положен в основу *реформы Столыпина*. Вспомним главное в замысле этой реформы. После отмены крепостного права в 1861 г. крестьян оставили почти без земли. Было утверждено «временнообязанное» состояние – крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до *выкупа* земли. Почему-то решили, что эти отработки продлятся 9 лет, на деле они затянулись до 1881 г., и пришлось издать закон об *обязательном* выкупе – крестьян обязали регулярно вносить выкупные платежи.

Чтобы закрепить крестьян на земле, заставить их выкупать землю и облегчить сбор податей и платежей, правительство ужесточило круговую поруку – усилило власть общины, затруднило выход из нее. Но сама община менялась, развивалась и превратилась в организатора сопротивления и борьбы. Поскольку все помыслы П.А. Столыпина были направлены на модернизацию при сохранении помещичьей собственности, он стал вождем тех сил, которые начали уничтожать общину. В этом и была суть реформы. Задумано было так: если принудить крестьянина к выходу из общины с наделом, то произойдет быстрое расслоение крестьян, богатые скупят все наделы и станут фермерами, а остальные – батраками. Получится капитализм на селе, опора строя (это называли «прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве»).

Но сама идея реформы не отвечала реальности. Аграрное перенаселение создало порочные круги столь фундаментального характера, что их никак не могла разорвать реформа, не предполагавшая крупных вложений ресурсов в сельское хозяйство. Неблагоприятным для реформы было и состояние общественного сознания. Измученные выкупными и подушными

податями, крестьяне озлобились и на помещиков, и на правительство. И в 1902 г. по всей черноземной полосе прошла полоса восстаний. По сути, началась крестьянская революция, на фоне которой и наступил 1905 г. В этих условиях начать жесткую реформу по развалу общины – значило пойти ва-банк. Ведь реформа предполагала создать «крепких хозяев» – но одновременно и массу разоренных людей. «Столпы общества» предупреждали: если реформа не увенчается успехом, ее результатом будет катастрофическая революция.

В 1906 г., став премьером, П.А. Столыпин начал лихорадочно проводить план в жизнь. Кто же оказался прав: А.В. Чаянов и Л. Толстой вместе с критиками реформы «справа» – или П.А. Столыпин? История ответила четко: реформа Столыпина провалилась, она прямо привела к революции. Причина – не в ошибках, слабостях и даже не только в нехватке средств (хотя и этой причины было бы достаточно). Причина более общего характера – в несоответствии идей Столыпина интересам основной массы крестьянства и реальности периферийного капитализма. Россия была в совсем ином положении, чем Пруссия.

Главным в опыте реформы было то, что трудовые крестьянские хозяйства, выйдя из общины и даже приобретя, с большими лишениями, дополнительные наделы, быстро теряли землю. Кто же ее скупал? Газеты того времени писали, что землю покупают в основном «те деревенские богатеи, которые до того времени не вели собственного сельского хозяйства и занимались торговлей или мелким ростовщичеством».

П.А. Столыпин, по типу образования и мышления ученый, проверил очень важную альтернативу, на которую возлагали надежды и марксисты. Он вел свою неудавшуюся реформу почти как научный эксперимент, регулярно «выкладывал» эмпирические результаты, так что за реформой можно было следить по надежным фактическим данным (в отличие от аграрной реформы 90-х годов XX в.).

В 1911 г. газета «Речь» писала: «добрая половина крестьянских посевных земель находится в руках городских кулаков, скупивших по 30 и более наделов». В Ставропольской губернии земля скупалась в больших размерах «торговцами и другими лицами некрестьянского звания. Сплошь и рядом землеустроитель вынужден отводить участки посторонним лицам в размере 100, 200, 300 и более дес.»¹⁷. Зачем скупали землю кулаки? Прежде всего в целях сдачи ее в аренду – за отработки (бесплатный труд) или исполу (за половину урожая). Переход земли из наделов в аренду означал обогащение сельских паразитов-рантье за счет регресса хозяйства и страданий крестьянина.

Банк покупал у выходящих из общины крестьян землю в среднем по 45 руб. за десятину, а продавал землю по цене до 150 руб. Вот вывод ученых того времени: «Продавая земельные участки по невероятно вздутой цене и в то же время беспощадно взыскивая платежи, банк в конце концов приводил к разорению своих наименее имущих и состоятельных покупателей, и последние нередко или оказывались вынужденными добровольно продавать свои участки и оставаться совсем без земли, или насильственно удалялись, "сгонялись" самим банком за неисправный взнос платежей».

Обещанной помощи от государства крестьяне, выделявшиеся на хутора, не получили. Историк А. В. Ефременко пишет (с симпатией к замыслу П.А. Столыпина), на основании отчетов о реформе и исследований 1914–1915 гг.: «Переход к хуторскому землевладению, при всей его экономической выгоде и агрономической целесообразности, не мог не ухудшить материальное положение новых собственников, так как все денежные средства их в начальный период шли главным образом на самые неотложные расходы, связанные с возделыванием земли или переносом построек. Тем не менее с 1907 по 1913 гг. денежное вспомоществование получили лишь 307 365 таких домохозяйств, или 27,6 % всех перешедших к единоличному землевладе-

¹⁷ Заметим, что закон запрещал продавать более шести наделов в одни руки (средний надел составлял 7 дес). Видно, была и тогда в России коррупция, хотя демократия еще не победила.

нию. Общая же сумма выданных им за семь лет пособий и ссуд составила 26,8 млн. руб., или в среднем 87,2 руб. на один двор... Такими деньгами никого на хутор заманить было нельзя, тем более что почти 95 % общей суммы материального содействия при землеустройстве выдавались в виде ссуд, а безвозвратные пособия составляли только 5 %» [59].

Объективные результаты реформы в развитии сельского хозяйства таковы. Площади посевов выросли за годы реформы на 10,5 млн. дес. (на 14 %). Производство в 1911–1915 гг. по сравнению с 1901–1905 гг. выросло: пшеницы на 12 %, ржи на 7,4, овса на 6,6 и ячменя на 33,7 %. В 1913 г. 89 % национального дохода в сельском хозяйстве пришлось на долю крестьянских хозяйств, а на долю частных владельцев – 11 %. В целом темп прироста продукции в сельскохозяйственном производстве в результате реформы Столыпина упал. В 1901–1905 гг. он составлял 2,4 % в год, а в 1909–1913 гг. снизился в среднем до 1,4 %. Прирост продовольствия стал ниже прироста населения. Главное, что не произошло заметного улучшения техники и организации земледелия.

Вот что показали имитационные модели двух вариантов развития сельского хозяйства России: по схеме реформы Столыпина и по прежнему пути, через крестьянское землепользование и сохранение общины. Без реформы социальная структура деревни в 1912 г. была бы такой: бедняки – 59,6, середняки – 31,8, зажиточные – 8,6 %. Соотношение этих групп было бы 59,6: 31,8: 8,6. Реально в ходе реформы соотношение стало 63,8: 29,8: 6,4. Относительно консервативного варианта реформа привела к заметному социальному регрессу. Если бы столыпинская реформа продолжалась еще в течение 10 лет, как и было предусмотрено, то, согласно моделированию, социальная структура ухудшилась бы еще сильнее, до соотношения 66,2: 28,1: 5,5 [154]. Результаты моделирования приводит ВТ. Рязанов [160, с. 337–338].

Столыпинская реформа лишь усугубила взаимную ненависть частных собственников земли и крестьянской массы. 24 января 1909 г., во время беседы с французским ученым П. Боером, который взял интервью у виднейших российских политиков (П.А. Столыпина, СЮ. Витте и др.), С.А. Муромцев посчитал именно этот рост взаимной глухой ненависти главной опасностью для России. И эта опасность, по его мнению, лишь усугублялась внешней политической апатией и отсутствием видимых общественно-политических движений, задавленных полицейскими репрессиями.

В целом, вызвав тяжелые социальные потрясения, реформа Столыпина не дала заметного общественного и экономического эффекта. Кооперация крестьян обещала дать значительно больше, чем классовое расслоение и капиталистическое ведение хозяйства. Реформа Столыпина вошла в непримиримый конфликт с большинством населения России. В области науки ему противостояла русская агрономическая мысль, воплощенная в трудах А.В. Чайнова, а в области духа ему противостоял Лев Николаевич Толстой, выразитель философии крестьянства, «зеркало русской революции».

Поэтому несостоятельны историософские модели нынешних антисоветских патриотов, обвиняющих большевиков за то, что «мы потеряли ту Россию». В том-то и заключался порочный круг, в который загнала Россию монархия: если не проводить модернизацию, Россию сожрет Запад; если идти на модернизацию, монархия сама так подрывает свою базу, что Россию может сожрать Запад. Сил и воли на то, чтобы овладеть кризисом модернизации, монархический режим не имел (как, скажем заранее, и советский режим в конце 80-х годов XX в.). И в момент неустойчивого равновесия Запад постарался монархический имперский режим России сбросить. Дальше, как мы знаем, из этого кризиса победителем вышел советский режим, который смог овладеть процессом модернизации и в то же время закрыть Россию от ее переваривания Западом. Но в тот момент расчет Антанты был, конечно, на то, что вместо царя у власти встанет прозападный либеральный режим.

Забегая вперед, скажем, что крупной акцией в антисоветской кампании перестройки стало создание «мифа Столыпина». Тот, чье имя сочеталось со словом «реакция», стал куми-

ром демократической публики! Дошло до того, что в среде интеллигенции Столыпин стал самым уважаемым деятелем во всей истории России – 41 % поставили его на первое место, выше Александра Невского, Петра Великого или П.К. Жукова. Это такое красноречивое явление, что надо на нем остановиться подробнее.

П.А. Столыпин прославился на двух поприщах: как министр внутренних дел, давший целую доктрину борьбы с революцией («успокоение»), и как премьер-министр с 1906 по 1911 г., проводивший «стольпинскую реформу». До этого он был губернатором в Гродно, часто ездил в Пруссию и уже в молодости стал поклонником хуторского хозяйства Прибалтики, потом служил саратовским губернатором. Лично выезжал на усмирение крестьянских волнений, бывал и под градом камней, и под пулями, приказывал пороть целые деревни. Но ведь не за это же полюбила Столыпина наша трудовая интеллигенция.

Фигура П.А. Столыпина была раздута в перестройке не потому, что его реформа была успешной, она провалилась в главном. Главное – замысел. П.А. Столыпин был альтернативой советской аграрной политике, как бы предшественником М. Горбачева и А. Чубайса. Он разрушал сельскую общину – так же как А.Н. Яковлев мечтал разрушить колхоз.

Общности – активные участники революции

Ранее говорилось о крестьянстве как самой большой социальной и культурной общности России, которая активно осмысливала образ будущего исходя из своего общинного мировоззрения. Здесь коротко опишем то состояние, в котором находились перед 1917 г. другие активные общности.

Рабочий класс. К моменту революции 1917 г. общая численность рабочего класса в России оценивалась в 15 млн. человек – примерно 10 % всего населения. Считают, что рабочих фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн. человек, из них взрослых мужчин – 1,8 млн.

Рабочий класс России, не пройдя через горнило протестантской Реформации и длительного раскрестьянивания, не обрел мироощущения *пролетариата* — класса индивидов, торгующих на рынке своей рабочей силой. В подавляющем большинстве русские рабочие были рабочими *в первом поколении* и по своему типу мышления во многом оставались крестьянами. В 1905 г. половина рабочих-мужчин еще имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя «на заработках».

Таким образом, между рабочими и крестьянами в России поддерживался постоянный и двусторонний контакт. Даже и по сословному состоянию большинство рабочих были записаны как крестьяне. Крестьяне и рабочие составляли тот «народ», который был отделен, а в критические моменты и противопоставлен «верхним» сословиям царской России.

Сохранение общинной этики и навыков жизни в среде рабочих проявилось в форме мощной рабочей солидарности и способности к самоорганизации, которая не возникает из одного только *классового* сознания. Это определило необычное для Запада поведение рабочего класса в революционной борьбе и в его самоорганизации после революции, при создании советской государственности. Многие наблюдатели отмечали даже странное на первый взгляд явление: рабочие в России начала XX в. «законсервировали» крестьянское мышление и по образу мыслей были «более крестьянами», чем те, кто остался в деревне¹⁸.

Надо подчеркнуть очень важный факт, который в нашей упрощенной истории исключался из рассмотрения: главными носителями революционного духа среди рабочих к 1914 г. стали не старые кадровые рабочие (они в массе своей поддерживали меньшевиков), а молодые рабочие, недавно пришедшие из деревни. Именно они поддержали большевиков и помогли им

¹⁸ Это же явление наблюдалось и до сих пор наблюдается в Японии.

занять главенствующие позиции в советах. Это были вчерашние крестьяне, которые пережили революцию 1905–1907 гг. именно в момент своего становления как личности – в 18–25 лет. Через десять лет они принесли в город дух революционной общины, осознавшей свою силу. На самых крутых поворотах революционного процесса эта низовая масса большевиков создавала такое положение, которое можно назвать вслед за Б. Брехтом «ведомые ведут ведущих».

Согласно теории В.И. Ленин считал, что России потребуется довольно длительный этап *государственного капитализма*. В 1918 г. готовились переговоры с промышленными магнатами о создании крупных трестов с половиной государственного капитала (иногда и с крупным участием американского капитала). Но события пошли не так, как задумывалось, – началась «стихийная» национализация. Английский историк Э. Карр в 14-томной «Истории Советской России» (до 1929 г.) пишет о первых месяцах после Октября: «Большевиков ожидал на заводах тот же обескураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они [эти события] представляли главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку» [78, с. 449].

Национализация промышленности была глубинным движением, своими корнями уходившим в «общинный крестьянский коммунизм» и тесно связанным с движением за национализацию земли. Российским марксистам, возглавившим советскую революцию, пришлось примкнуть к этому движению.

Надо сказать о том культурном типе, который представлял из себя молодой грамотный русский рабочий начала XX в. Это был рабочий, который обладал большой тягой к знанию и чтению, характерной для пришедших из деревни рабочих. Отличие в том, что русский рабочий одновременно получил три типа литературы на пике их зрелости: русскую литературу «золотого века», оптимистическую просветительскую литературу эпохи индустриализма и столь же оптимистическое обществоведение марксизма.

Это сочетание во времени уникально. Видный ученый-большевик А. Богданов в 1912 г. писал, ссылаясь на беседу с английским профсоюзным лидером, что в те годы в заводских библиотеках в России были, помимо художественной литературы, книги типа «Происхождение видов» Ч. Дарвина или «Астрономия» К. Фламариона – и они были зачитаны до дыр. В заводских библиотеках английских тред-юнионов были только футбольные календари и хроники королевского двора.

Советский проект, в каких бы терминах он ни излагался, воспринимался большинством простонародья как *общее дело*, которое и сплачивает людей традиционного общества. Об этом кадет Н.А. Гредескул так писал, споря с авторами «Вех», которые надеялись на интеллигентскую революцию: «Нет, русское освободительное движение в такой мере было "народным" и даже "всенародным" что большего в этом отношении и желать не приходится. Оно "проникло" всюду, до последней крестьянской избы, и оно "захватило" всех, решительно всех в России – все его пережили, каждый по-своему, но все с огромной силой. Оно действительно прошло "ураганом" или, если угодно, "землетрясением" через весь организм России. Наше освободительное движение есть поэтому не что иное, как колоссальная реакция *всего* народного организма на создавшееся для России труднейшее и опаснейшее историческое положение» [49, с. 254].

Буржуазия. Численный состав крупной буржуазии был в России очень невелик. В 1905 г. доход свыше 20 тыс. руб. (10 тыс. долл.) в год от торгово-промышленных предприятий, городской недвижимости, денежных капиталов и «личного труда» получали в России, по подсчетам Министерства финансов, 5739 человек и 1595 акционерных обществ и торговых домов (их

пайщики и составляют первое число)¹⁹. Остальные богатые люди, не считая помещиков, получали доход на службе.

Мы видим, что «масса» буржуазии была очень мала. В Москве, согласно переписи 1902 г., было 1394 хозяев фабрично-заводских заведений, включая мелкие. 82 % предпринимателей входили в состав старых ремесленно-торговых сословий, были включены в иерархию феодального общества, имели свои сословные организации и не испытывали острой нужды в переустройстве общества на либерально-буржуазный лад.

Страх, который буржуазия, подавленная «импортированными силами крупного капитала» (М. Вебер), испытала во время революции 1905–1907 гг., заставил ее искать защиты у царского бюрократического государства. Большинство буржуазии после революции стало консервативным, многочисленные попытки основать политические партии буржуазии («собственников») не увенчались успехом.

Обычным для ортодоксальных марксистов и либералов было считать, что революция 1905 г. произошла *«слишком рано»* — не созрели для нее еще предпосылки, слаба была буржуазия, не созрела почва для демократии. Изучая начиная с 1904 г. события в России, М. Вебер приходит к более сложному и фундаментальному выводу: *«слишком поздно!»*. Успешная буржуазная революция в России была **уже** невозможна. И дело было, по его мнению, не только в том, что в массе крестьянства господствовала идеология «архаического аграрного коммунизма», несовместимого с буржуазно-либеральным общественным устройством. Главное заключалось в том, что русская буржуазия оформилась как класс в то время, когда Запад уже заканчивал буржуазно-демократическую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Буржуазная революция, по его выражению, может быть совершена только «юной» буржуазией, но эта юность неповторима. Россия в начале XX в. уже не могла быть изолирована от «зрелого» западного капитализма, который утратил свой оптимистический революционный заряд.

Назревающая революция, казалось бы, объективно призванная расчистить путь для буржуазно-демократических преобразований, изначально несла сильный антибуржуазный заряд. В 1905 г. М. Вебер высказал мнение, что грядущая русская революция не будет буржуазно-демократической, это будет революция нового типа, причем первая в новом поколении освободительных революций.

Поэтический идеолог крупной буржуазии В. Брюсов сказал тогда:

И тех, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

М. Вебер, объясняя коренное отличие русской революции от буржуазных революций в Западной Европе, приводит фундаментальный довод: к моменту первой революции в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол для представителей буржуазии в либеральном движении. Это понятие даже не фигурирует среди главных программных требований этого движения. Как пишет один из исследователей трудов М. Вебера, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции». В общем, буржуазия в России не стала ведущей силой буржуазной революции, как это было на Западе. Еще важнее, что она и не воспринималась как такая сила другими частями общества.

¹⁹ Более дотошные подсчеты (В.С. Дякин) дают число лиц с доходом выше 20 тыс. руб., равное 12 377 человек. Это принципиально дела не меняет.

Часть буржуазии, переживавшая духовный кризис, поддерживала социалистическую оппозицию, порой тяготела к социал-демократам (иногда даже финансируя их боевые дружины, как в 1905 г. крупный московский заводчик Н.П. Шмит, именем которого назван переулок на Красной Пресне; позже он все деньги отдал большевикам, и на них издавалась газета «Правда» и содержались профессиональные революционеры за границей). Но и эта небольшая часть буржуазии не претендовала на роль лидера в революции, она лишь следовала голосу «больной» совести.

В целом российская буржуазия в ходе революции раскололась, ее нельзя считать социальной силой, антагонистической советскому проекту. Личный выбор в том катаклизме делался во многом под воздействием конкретной ситуации. Даже в период максимальных успехов белых М.М. Пришвин, сам в то время убежденный антикоммунист, писал: «Сейчас все кричат против коммунистов, но по существу против монахов, а сам монастырь-коммуна в святости своей признается и почти всеми буржуями».

Армия. Особую роль и в выработке советского проекта, и в создании структур советской государственности сыграла российская *армия*. Исторически именно она стала одной из важнейших матриц, на которых вырос советский проект, а затем и советы как тип власти. В определенном смысле армия *породило* советский строй. Большая армия, собранная в годы Первой мировой войны, стала тем форумом, на котором шла доработка советского проекта, вчерне намеченного в наказах и приговорах 1905–1907 гг.

Первая мировая война вынудила мобилизовать огромную армию, которая, как выразился Ленин, «вобрала в себя весь цвет народных сил». Впервые в России была собрана армия такого размера и такого типа. В начале 1917 г. в армии и на флоте состояло 11 млн. человек – это были мужчины молодого и зрелого возраста.

Очень важен тот факт, что очень значительная часть солдат из крестьян и рабочих прошли «университет» революции 1905–1907 гг. в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В армию они пришли уже лишенными верноподданнических монархических иллюзий.

Классовый состав армии был примерно таков: крестьяне – 60–66 %, пролетарии – 16–20 % (из них 3,5–6 % фабрично-заводские рабочие), из средних городских слоев – около 15 %. Армия стала небывалым для России форумом социального общения, причем общения, не поддающегося политической цензуре. «Язык» этого форума был антибуржуазным и антифеодальным.

В тесное общение армия ввела и представителей многих национальностей (костяк армии составляли 5,8 млн. русских и 2,4 млн. украинцев). В армии возникли влиятельные национальные и профессиональные организации, так что солдаты получали большой политический опыт сразу в организациях разного типа, в горячих дискуссиях по всем главным вопросам, которые стояли перед Россией.

После Февральской революции именно солдаты стали главной силой, породившей и защитившей *Советы*. Вот данные мандатной комиссии I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 г.). Делегаты его представляли 20,3 млн. человек, образовавших советы: 5,1 млн. рабочих, 4,2 млн. крестьян и 8,2 млн. солдат. Солдаты представляли собой и очень большую часть политических активистов – в тот момент они составляли более половины партии эсеров, треть партии большевиков и около одной пятой меньшевиков.

Российская армия еще до 1917 г. сдвигалась к тем ценностям, которые вскоре резко выделили Красную Армию из ряда армий других стран, – к ценностям *общины*, отвергающей классовое и сословное разделение. Более того, эта община, уходящая корнями в русскую культуру, сильно ослабляла и межнациональные барьеры.

Доработка советского проекта в 1918—1927 гг.

Советский проект был в главных своих чертах выработан в сознании крестьянства за время после реформы 1861 г. и совершенно определенно изложен в его главных срезях в наказах и приговорах 1905–1907 гг. Затем он был дополнен «сознательными рабочими», сохранившими общинное мироощущение, и четко выявился в период между февралем и октябрём 1917 г. в деятельности Советов и рабочего самоуправления (фабзавкомов). Научный социализм, развитый в приложении к России интеллигенцией самых разных политических оттенков, привнес в советский проект идею модернизации и развития. В этом проекте вполне ясно просматривались главные черты будущего жизнеустройства.

Удивительно точным оказалось предвидение М. Вебера, который внимательно следил за ходом революции 1905–1907 гг. Обсуждая перспективы реформы П.А. Столыпина, он указывал, что при капиталистической реформе села идеи архаического крестьянского коммунизма будут распространяться в сочетании с идеями современного социализма. Он писал в 1906 г.: «О разложении "народнической" романтики позаботится дальнейшее развитие капитализма. Без сомнения, ее место займет, по большей части, марксизм. Но для работы над огромной основополагающей аграрной проблемой его духовных средств совершенно недостаточно, и именно она может вновь свести между собой оба эти слоя интеллигенции».

Так и получилось, верх взяли большевики, преодолевшие узость марксистского взгляда на крестьянство, пришедшие к идее союза рабочих и крестьян и принявшие аграрную программу наследников народничества, эсеров (а затем, при переходе к НЭПу, и концепцию неонародника А.В. Чаянова).

В среде большевиков были развиты системные идеи (А.А. Богданов стал творцом первой теории систем – *тектологии*). В целом в программе большевиков к 1917 г. присутствовало видение России как большой динамической системы в переходном состоянии и уделялось большое внимание структурному анализу общественных процессов. Это придало новому советскому государству необычно высокую динамичность и адаптивность. Наблюдался всплеск творчества новых *форм* общественного действия.

А. Деникин писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро наступать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними» [126].

Видные либеральные деятели признали, что советский проект сложился в массовом сознании как «общее дело» народа. Ранее было приведено высказывание кадета Н.А. Гредескула. Наблюдая процессы в деревне с февраля по октябрь 1917 года, и М.М. Пришвин пришел к сходному выводу. Он записал в дневнике 7 ноября 1917 г.: «Основная ошибка демократии состоит в непонимании большевистского нашествия, которое они все еще считают делом Ленина и Троцкого и потому ищут с ними соглашения.

Они не понимают, что "вожди" ту ни при чем и нашествие это не социалистов, а первого авангарда армии за миром и хлебом, что это движение стихийное и дело нужно иметь не с идеями, а со стихией, что это движение началось уже с первых дней революции и победа большевиков была уже тогда predetermined» [149].

В чем же были главные смыслы советского проекта на тот момент – на исходе Гражданской войны и начале строительства нового жизнеустройства?

Прежде всего надо было вырваться из той исторической ловушки, в которую Россия попала, увязая в системе периферийного капитализма, – восстановить свою цивилизационную идентичность, осуществив модернизацию на собственных культурных основаниях.

М. Агурский пишет, как воспринимались антибуржуазные проекты в самой России: «По существу, капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада. Еще больше эта потенция увеличилась в ленинизме с его учением об империализме. Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась невольно в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации» [3].

И. В. Сталин заявил в 1924 г.: «Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мировой капиталистической системы, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны» [180, с. 235].

Смысл этой задачи был всем понятен, и выполнение ее было ответом на общий для всех исторический вызов. Смысл этот вызрел в крестьянской общине и был отрицанием политэкономии марксизма (поэтому А. Грамши назвал Октябрьскую революцию «Революцией против "Капитала"» – «Капитала» К. Маркса). Ответ в фундаментальной форме был дан еще до Октября, когда после Февральской революции власть на промышленных предприятиях, по сути, перешла в руки фабзавкомов и они стали переделывать социальный уклад заводов и фабрик по типу крестьянских общин. Уже прообраз советского предприятия имел черты *центра жизнеустройства*, основанного на связях доверия и взаимопомощи.

Советское предприятие, по своему социально-культурному генотипу единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. Это уникальная хозяйственная конструкция, созданная *русскими рабочими из общинных крестьян*. По типу этого предприятия и его трудового коллектива было устроено все хозяйство СССР – как единый крестьянский двор.

России удалось пережить катастрофу революции, собрать свои земли и народы, восстановить хозяйство и за десять лет сделать рывок в экономическом и научно-техническом развитии. Это стало возможным прежде всего потому, что за десять лет до 1917 г. была начата работа по «пересборке» народа России – уже в форме *советского*. Для этого и обсуждался образ желаемого будущего, тип общественных отношений, приемлемые для большинства социальные формы бытия.

Большевики не просто послужили организационной основой для выработки нового национального проекта России. Они провели мировоззренческий синтез представлений крестьянского общинного коммунизма с марксистской идеей модернизации и развития, но по *некапиталистическому* пути.

Ю. В. Ключников, редактор журнала «Смена вех» (в прошлом профессор права Московского университета, а во время Гражданской войны министр иностранных дел у А. В. Колчака), объяснял эмиграции (1921), что большевики – «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества» [81].

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с эсхатологической идеей прогресса придало советскому проекту большую убедительную силу, которая привлекла в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии).

Важен и тот факт, что, сделав марксизм своей официальной идеологией, большевики смогли на целый исторический период нейтрализовать западную русофобию и ослабить накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920 г. по конец 1960-х годов престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало важную передышку. А.С. Панарин подчеркивал эту роль марксизма: «По-марксистски выстроенная классовая идентичность делала советского человека личностью всемирно-исторической, умеющей всюду находить деятельных единомышленников – "братьев по классу"» [134, с. 141].

Эту мысль А.С. Панарин поясняет так: «Марксизм выражал достаточно глубокую, рефлексивную самокритику Запада: от нее Запад не мог отмахнуться как от чего-то внешнего, олицетворяющего пресловутый конфликт цивилизаций... В той мере, в какой старому русскому "национал-патриотизму" удалось сублимировать свою энергетику, переведя ее на язык, легализованный на самом Западе, этот патриотизм достиг наконец-таки точки внутреннего равновесия. И западническая, и славянофильская традиции по-своему, в превращенной форме, обрели эффективное самовыражение в "русском марксизме", примирились в нем...

Советский человек, таким образом преодолевший "цивилизационную раздвоенность" русской души (раскол славянофильства и западничества), наряду с преодолением традиционного комплекса неполноценности, обрел замечательную цельность и самоуважение. В самом деле, на языке марксизма, делающем упор не на уровне жизни и других критериях потребительского сознания, обреченного в России быть "несчастливым" а на формационных сопоставлениях, Россия впервые осознавала себя как самая передовая страна и при этом – без всяких изъянов и фобий, свойственных чисто националистическому сознанию» [134, с. 139–140].

В Гражданской войне сложился и *кадровый костяк* будущего Советского государства, та управленческая элита, которая действовала в период сталинизма. Это были командиры Красной Армии нижнего и среднего звена, которые после демобилизации заполнили административные должности в государственном аппарате. В основном это были выходцы из малых городов и деревень Центральной России.

Строительство новой государственности, в которое были вовлечены массивные социальные группы, ранее отодвинутые от гражданских дел, стало «общим делом» уже в реализации советского проекта. Р. Пайпс пишет, что после разгона большевиками Учредительного собрания «массы почували, что после целого года хаоса они получили, наконец, "настоящую" власть. И это утверждение справедливо не только в отношении рабочих и крестьянства, но, парадоксальным образом, и в отношении состоятельных и консервативных слоев общества – пресловутых "гиен капитала" и "врагов народа" презиравших и социалистическую интеллигенцию, и уличную толпу даже гораздо больше, чем большевиков» [133].

Советская власть успешно выполнила едва ли не главную задачу государства – задачу *целесолагания*, собирания общества на основе понятной цели и консолидирующего проекта, а также задачу *проектирования форм* социального бытия. Г. Уэллс, назвав Ленина кремлевским мечтателем, в то же время признал, что его партия «была единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия... Это было единственно возможное в России идейно сплоченное правительство» [179]. Получив организационную базу для реализации этого проекта, советская власть смогла опереться даже на *идеологически чуждые* ей силы.

Гражданская война была важным этапом и в сборке *страны*. Февральская революция «рассыпала» империю. В разных частях ее возникли национальные армии или банды разных окрасок. Все они выступали против восстановления единого централизованного государства. Что касается представлений о России, то с самого начала Советское правительство видело ее как легитимную исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировало *общероссийскими* масштабами (в этом смысле такая идеология была «имперской»). В 1920 г. нарком по делам национальностей И.В. Сталин сделал категорическое заявле-

ние, что отделение окраин России совершенно неприемлемо. Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии всегда рассматривались красными как явление *гражданской* войны, а не *межнациональных* войн.

Западные ученые, дотошно изучавшие историю СССР, очень высоко оценивают тот факт, что советской власти вновь удалось собрать «империю». Модель Советского Союза была *творческим* достижением высшего класса. Американский антрополог К. Янг пишет о «судьбе старых многонациональных империй в период после Первой мировой войны»: «В век национализма классическая империя перестала быть жизнеспособной формой государства... И только гигантская империя царей оказалась в основном спасенной от распада благодаря Ленину и с помощью умелого сочетания таких средств, как хитрость, принуждение и социализм... Первоначально сила радикального национализма на периферии была захвачена обещанием самоопределения и затем укрощена утверждением более высокого принципа пролетарского интернационализма, с помощью которого могла быть создана новая и более высокая форма национального государства в виде социалистического содружества» [212, с. 95–96].

Именно в Гражданской войне СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровью»). Территория СССР была защищена обустроенными и хорошо охраняемыми *границами*. И эта территория, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве (в том числе в песнях, ставших практически народными), и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа.

С первых же дней советской власти была начата реализация большого проекта модернизации России, заделы для которого создавались в дореволюционной науке и ее институтах. Основанием «общественного договора» старой научной интеллигенции с новой властью были программные заявления и действия советского государства буквально с первых месяцев его существования. Условием для этого было то, что большинство научной интеллигенции, независимо от личных позиций в конкретном политическом конфликте того момента, принимало *образ будущего*, который декларировался в социальной философии советской власти.

Социализм как желанный тип жизнеустройства был близок интеллигенции, включая ее *праволиберальные* течения. Даже консерваторы и религиозные философы не были *антисоциалистами*²⁰. Научное сообщество России со второй половины XIX в. было «переплетено» с разными течениями социалистической культуры. Многие либеральные ученые и авторитетные для ученых деятели культуры были воспитаны под влиянием социалистической мысли. В ней они видели порождение науки, интеллектуальную программу развития России.

Вот суждение академика В.И. Вернадского в момент формирования партии кадетов, членом ЦК которой он стал: «Социализм явился прямым и необходимым результатом роста научного мировоззрения; он представляет из себя, может быть, самую глубокую и могучую форму влияния научной мысли на ход общественной жизни, какая только наблюдалась до сих пор в истории человечества... Социализм вырос из науки и связан с ней тысячью нитей; бесспорно, он является ее детищем, и история его генезиса – в конце XVIII, в первой половине XIX столетия – полна с этой точки зрения глубочайшего интереса» [26, с. 409–410].

Власть в этой части своего дела стала выполнять *чаяния* российской научной интеллигенции. Вот пример. Большим проектом российского научного сообщества перед революцией была институционализация систематического и комплексного изучения природных ресурсов России. Важным шагом в этой работе было учреждение в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Она стала самым крупным подразделением

²⁰ В 1917 г. в своей известной работе «Христианство и социализм» С.Н. Булгаков посвятил целый раздел именно критике «буржуазности» социализма («он сам с головы до ног пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм навыворот»). Впрочем, далее он пишет о социализме: «Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме» [21].

Академии наук. Возглавлял ее академик В.И. Вернадский, ученым секретарем был избран А.Е. Ферсман. Но работа даже этой комиссии, работавшей для нужд войны, тормозилась. Так, в течение двух лет она не могла получить 500 руб. для изучения месторождения вольфрама, обнаруженного на Кавказе²¹.

Уже в январе 1918 г. советское правительство запросило у Академии наук «проект мобилизации науки для нужд государственного строительства». Ответную записку готовил А.Е. Ферсман, он предлагал расширить деятельность КЕПС и наладить учет и охрану научных сил.

Установка советского государства на форсированное развитие науки была принципиальной и устойчивой. В апреле 1918 г. В.И. Ленин написал программный материал «Набросок плана научно-технических работ». Его главные положения совпадали с представлениями КЕПС. Уже в апреле структура КЕПС была резко расширена. А.Е. Ферсман руководил Радиевым отделом и отделом Нерудных ископаемых, а с 1920 г. и Комитетом порайонного описания России.

В июне 1918 г. КЕПС, а затем и общее собрание Академии наук обсуждали «Записку о задачах научного строительства». Она была подготовлена, как сказано в протоколе КЕПС, в ответ на «пожелание Председателя Совнаркома выяснить те взгляды, которых придерживаются представители науки и научные общества по вопросу о ближайших задачах русской науки» [84]. Согласование взглядов Совнаркома, представителей науки и, что менее известно, бывших министров и промышленников царской России позволило выработать и сразу начать ряд больших научно-технических программ (ГОЭЛРО, геологоразведочных, эпидемиологических и др.).

В ноябре 1918 г. начала работать комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии, в феврале 1919 г. ее планы рассматривались в Совете обороны. Несмотря на боевые действия в этом районе, там стала работать экспедиция Академии наук, за год были определены границы аномалии. В работе участвовали ведущие ученые России (И.М. Губкин, П.П.Лазарев, А.Н. Крылов, В.А. Стеклов, Л.А. Чугаев, А.Н. Ляпунов и др.). Был создан целый ряд новых приборов, разработаны ценные математические методы [85]²².

Вот пример научной программы с большим социальным эффектом, которая предлагалась учеными до революции, но стала возможной лишь в советских условиях. К середине 20-х годов XX в. резко снизилась младенческая смертность в России, которая в самом конце XIX в. составляла 425 умерших на 1 тыс. родившихся. В результате средняя продолжительность жизни русских сразу подскочила на 12 лет. Это было достигнуто интенсивной и массовой культурно-просветительной работой. Врач С.А. Новосельский писал в 1916 г.: «Высокая детская смертность у православного, т. е. преимущественно русского, населения состоит, помимо общеизвестных причин, в связи с деревенскими обычаями крайне рано, едва ли не с первых дней жизни ребенка давать ему кроме материнского молока жеваный хлеб, кашу и т. п. Сравнительно низкая смертность магометан, живущих в общем в весьма антисанитарных условиях, зависит от обязательного грудного вскармливания детей в связи с религиозными предписаниями по этому поводу Корана»²³ [127]. Подобных программ было много, например ликвидация в 20-е годы XX в. массового детского («бытового») сифилиса, вызванного элементарным незнанием правил гигиены.

²¹ Наконец, на заседании, где обсуждался этот вопрос, академик А.Н. Крылов обругал «царскую фамилию и великих князей, которые захватили в свои руки вольфрамовые месторождения Забайкалья», вынул из кармана 500 руб. и сказал: «Это для спасения нашей армии, оставшейся без снарядов».

²² Для ученых были важны и установки государства. Академик П.П.Лазарев писал: «Мы можем с полным правом утверждать, что без Ленина не было бы предпринято это грандиозное комплексное исследование, получившее в настоящее время такое большое практическое значение. Несомненно, что идейная помощь Ленина, его ясное понимание задач, которые стояли перед исследованием, сыграли колоссальную роль в тех успехах, которые были получены в этой области» [85, с. 29].

²³ У мусульман в 1897 г. младенческая смертность составляла 166 на 1 тыс. рожденных.

Еще в 1910 г. В.И. Вернадский подал записку «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи», в которой предсказал «неизбежность практического использования атомной энергии», – на нее не обратили никакого внимания. А в 1918 г. создание инфраструктуры будущей атомной программы стало важной частью проекта строительства научного потенциала СССР. 29 марта 1918 г. ВСНХ предложил Академии наук начать исследования по производству радия. Сырье, предназначенное для отправки в Германию, было секвестировано и передано Академии наук. В декабре 1921 г. были получены высокоактивные препараты радия, а в начале 1922 г. заработал завод. В 1918 г. начали разрабатывать ускоритель элементарных частиц, он был опробован в 1922 г.

Строительство советской науки планировалось как *система*. За структурную единицу сети был принят *научно-исследовательский институт*, новая форма научного учреждения, выработанная в основном в российской науке. Только за 1918–1919 гг. было создано 33 таких института, ставших той матрицей, на которой сформировалась научно-техническая система СССР. К 1923 г. число НИИ достигло 56.

И все это – в условиях тяжелейшей Гражданской войны и интервенции. Сейчас многим трудно понять, что строить систему научных учреждений в 1918–1920 гг. значило прежде всего *сохранить* самих ученых в буквальном смысле слова. В 1919 г. был принят декрет Совнаркома «Об улучшении положения научных специалистов» – им были выданы пайки на усиленное питание (сначала 500, к сентябрю 1921 г. 4786 пайков, а в 1922 г. продуктовые пайки получали 22 589 работников науки и техники).

Необходимым условием для индустриализации было создание национальной системы *стандартизации*. В России было учреждено Депо образцовых мер и весов, в 1893 г. преобразованное в Главную палату мер и весов (директором был Д.И. Менделеев). Однако создать единую государственную систему в царской России не удалось, хотя закон о введении метрической системы мер был принят в 1909 г. Из-за господства в промышленности иностранного капитала применялись три системы мер: старая русская, британская (дюймовая) и метрическая.

Введение единой метрической системы мер началось сразу после установления Советской власти, для хозяйства это был один из важнейших декретов Советской власти. Главная палата мер и весов во главе с директором с первых же дней стала активно сотрудничать с Советской властью и готовить реформу. Это был настоящий подвиг ученых, госаппарата и огромного числа пропагандистов²⁴. Даже во время Гражданской войны для отливки метрических гирь был выделен драгоценный чугун, и торговцы в короткие сроки были снабжены этими гирями.

В 1921 г. для работы по планированию народного хозяйства была создана Государственная плановая комиссия (Госплан). Его функция не сводилась к разработке государственных народнохозяйственных планов, они были лишь инструментом. Экономика – арена конфликта интересов (социальных групп населения, отраслей, регионов). При малой степени огосударствления хозяйства разрешение конфликтов возлагается на стихийно действующий механизм рынка, а в советском государстве необходимо ведомство без своего особого «интереса». Таким ведомством и был Госплан. Он рассчитывал баланс потребностей и ресурсов, предвидя социальную и экономическую динамику. Так были спроектированы, а потом и построены большие технико-социальные системы жизнеустройства СССР, которые позволили ему вырваться из ловушки периферийного капитализма, стать промышленно развитой и научной державой и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран.

Уже на первом этапе реализации советского проекта в массовом сознании возник «антропологический оптимизм», буквально изменив тип общества. Исчез «синдром бедняка», что привело к увеличению продолжительности жизни, искоренению массовых социальных болез-

²⁴ Первая глава книги о ГОЭЛРО была посвящена объяснению смысла и значения реформы мер и весов, а предисловие к книге написал В.И. Ленин.

ней и резкому снижению преступности. Врач И.А. Гундаров пишет: «Отсутствие объективных оснований для значительного улучшения здоровья в 1921 г. заставляет предположить действие закона "духовно-демографической детерминации". Действительно, уровень преступности, подскочивший в 1914–1918 гг. в два раза, затем в начале 20-х годов снизился от этой величины в четыре раза. В последующие годы продолжалось поразительное улучшение духовного состояния общества. Если в 1922 г. коэффициент судимости по РСФСР составлял 2508 на 100 000 жителей, то в 1927 г. он упал до 1080. Уменьшилось число психических заболеваний, что подтверждается сокращением в психиатрических больницах коечного фонда на 31 % по сравнению с 1913 г. Годы нэпа представляют собой удивительную картину резкого улучшения системы медико-оздоровительной помощи и здоровья населения» [51].

Доработка, совершенствование и реализация советского проекта продолжились в условиях нэпа, индустриализации и коллективизации 30-х годов XX в. и Великой Отечественной войны с послевоенной программой восстановления. После этого СССР вступил в новый исторический период.

Глава 3

Основания для вражды к советскому проекту на первом этапе

В борьбе разных проектов развития России, которая велась с нарастающей интенсивностью – с политическим насилием, но без внутренней войны – с 70-х годов XIX в., с общественной арены сошли один за другим проекты народников, реформа Столыпина (консервативная модернизация в рамках сословного общества и монархического государства), буржуазно-либеральный проект Временного правительства (Февральской революции). Относительно мирный период существования Советской власти был очень коротким, и летом 1918 г. коалиция анти-советских сил объявила ей войну.

Гражданская война 1918–1921 гг., как «война Февраля с Октябрем», есть продолжение военными средствами противостояния между двумя *революционными* проектами России. Это была война против *советского проекта*, сущность которого, в общих чертах, была изложена за период 1905–1917 гг. В этой войне действия отечественных антисоветских сил были сопряжены с иностранной военной интервенцией. Геополитические и внутривосточные интересы участников того военного союза совпадали – об этом нельзя забывать, чтобы понять события конца XX в.

В. Шубарт в своей известной книге «Европа и душа Востока» (1938) пишет, как был тогда воспринят советский проект на Западе: «Самым судьбоносным результатом войны 1914 г. является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Причем вопрос ставится не в форме: Третий рейх или Третий Интернационал и не фашизм или большевизм? Дело идет **о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...**

Сегодня Европа чувствует себя под серьезной угрозой русского большевизма. Если бы она пристальнее взглядела в его облик, она обнаружила бы в нем свои собственные западные идеи, которые большевики лишь увеличили и огрубели до пародии, – идеи атеизма, материализма и прочий сомнительный хлам прометеевской культуры. То, чего Запад боится, – это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы» [195].

Но мы здесь рассмотрим лишь *внутренний* конфликт – основания, по которым большие силы собрались в Белом движении или поддержали его в войне против нарождавшегося советского строя. Не будем рассматривать военную интервенцию Запада и Японии, примем ее как фактор «внешней среды», усугубляющий наш внутренний конфликт. Не будем отвлекаться и на интервенцию Польши с тяжелой межгосударственной войной, а также на войну Красной армии с силами антисоветских *националистических* движений на западных окраинах, на Кавказе и в Средней Азии. Не будем рассматривать и важное движение «зеленых». Это, в основном крестьянское, движение было *антилиберальным*, т. е. несовместимым с программой Белого движения, но оно находилось и в оппозиции к программе *модернизации*, лежащей в основе советского проекта²⁵.

Не будем также рассматривать те обстоятельства, которые ослабили или разрушили механизмы, препятствующие возникновению гражданских войн. Эти обстоятельства возникли сразу после Февральской революции – прежде всего развал государства и особенно армии.

²⁵ Во многом идейными установками «зеленых» были вдохновлены восстания против Советской власти, происходившие на исходе Гражданской войны (в Кронштадте, Сибири, Тамбовской губернии и др.).

Советская власть в этом и не участвовала. 16 июля 1917 г. А.И. Деникин заявил в присутствии А.Ф. Керенского: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев».

Здесь мы возьмем лишь ядро *антисоветского проекта* того времени, а не фактологию событий.

В тот момент проект ограничивался исключительно негативной целью – свержение Советской власти. Состав Белого движения был очень разнородным, а цель – чрезвычайной. Установка на *непредрешиенчество*, т. е. отказ от позитивного целеполагания, от предъявления образа будущего, была вынужденной – договориться об этом образе либералы, эсеры и меньшевики не могли. Виднейший деятель Белой армии генерал Я.А. Слащов-Крымский (он послужил прообразом генерала Хлудова в пьесе М. Булгакова «Бег») писал, что по своим политическим убеждениям эта армия представляла из себя следующее: «Мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов... "Боже Царя храни" провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на "учредилку", избранную по "четырёххвостке" так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал» [82, с. 57].

Для нашей темы надо выявить основные мотивы, по которым значительная по массе и важная по составу часть российского общества решила оказать сопротивление советскому проекту с оружием в руках, неся огромные жертвы и нанося огромные потери остальному населению. Очень многие из тех мотивов, что привели к Гражданской войне в 1918 г., были оживлены в 80-е годы XX в. и привели к падению СССР уже в холодной гражданской войне, которая соединилась с холодной же внешней войной Запада против СССР.

Говоря о гражданских войнах, обычно упирают на чисто *классовые* причины, говорят о войне за *собственность*. На деле классовые интересы – лишь фон. Почему в нашей Гражданской войне офицерство, выходцы из одного и того же социального и культурного слоя, разделилось между красными и белыми ровно пополам?²⁶ Нет, убивать и гибнуть люди идут не из непосредственно понимаемого классового интереса, а по вопросу о том, как надо жить людям, в чем *правда* и *совесть*.

П. А. Сорокин в своей важной работе «Причины войны и условия мира» пишет: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения» [170].

Гражданская война – катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она раскалывает народ, семьи и даже саму личность человека, она носит тотальный характер и наносит тяжелые душевные травмы, которые надолго определяют жизнь общества. Поскольку в гражданской войне нет тыла, она разрушает всю ткань хозяйства, все жизнеустройство в целом. В ходе Гражданской войны в России погибло несколько миллионов человек, подавляющее большинство из них потеряли жизнь не от «организованного насилия» – на поле боя или от репрессий – а от голода, болезней и особенно эпидемий (тифа), а также от «молекулярных», местных конфликтов, не связанных с целями воюющих сторон.

²⁶ В Красной Армии служили 70–75 тыс. офицеров, т. е. 30 % всего старого офицерского корпуса России (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40 %) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте. В Красной Армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой – 750. Из 100 командармов, которые были в Красной Армии в 1918–1922 гг., 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами.

Гражданская война самым страшным образом повлияла на весь дальнейший ход событий нашей истории. Она довершила разрушение хозяйства, подорванного Первой мировой войной, и отбросила страну в состояние крайней материальной скудости, повлиявшей на все стороны жизни и на мышление.

Эта война привела к истреблению большей части самых энергичных, активных и образованных людей с обеих сторон фронта и надолго предопределила страшный кадровый голод.

Это привело, среди прочего, к ужесточению и упрощению системы управления всеми общественными процессами, к ее огрублению, к замене знаний и навыков простыми инструкциями и запретами. Перевод в 1918 г. всей жизни советского общества на военные рельсы придал ей черты «казарменного» уклада и привел к крайнему огосударствлению. Это убило значительную часть творчества масс, в котором мог раскрыться огромный потенциал российской общинной культуры. Из гражданской войны выросли жесткость, суровость и склонность к грубому разрешению противоречий, которые очень дорого обошлись нам и продолжают дорого обходиться и сегодня.

Мотивы, побудившие к такой войне, соединены в систему с сильными кооперативными эффектами. Трудно выявить их иерархию – они действуют не поодиночке, а в режиме синергического взаимодействия. Порядок их перечисления не так уж важен, важно в уме представить их связи. Коротко остановимся на привычных, осязаемых мотивах, учитывая, однако, что они составляют лишь фон, а иногда и маскировку более сильных страстей.

Эгоизм привилегированных слоев

По мере наступления капитализма западного типа подрывались социальные и культурные основы сословного общества России, менялись высшие ценности и «привилегированных классов», и трудящихся – представления о человеке и его правах. Понятно, что эти изменения в системе ценностей сразу приводили к очевидным для всех изменениям в жизнеустройстве: совершался отход от патерналистских установок помещиков, владельцев предприятий и царского правительства. В культуру правящих классов просачивался *социал-дарвинизм*, идеология западной буржуазии.

Та небольшая часть капиталистов России, которая смогла войти в симбиоз с «импортированным» зрелым западным капитализмом, после 1905 г. заняла столь радикальную социал-дарвинистскую позицию, что вступила в конфликт даже со значительной частью буржуазии. Так, группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила в беседе с корреспондентом журнала «Экономист России»: «Мы почти все за закон 9 ноября... Дифференциации мы несколько не боимся... Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы – англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем» [131].

Эгоизм представителей привилегированного меньшинства во время социальных потрясений переплетается с острым чувством *несправедливости* лишения их ставших привычными привилегий. Не так много тех, кто в этот момент может трезво и объективно сравнить свою личную утрату с масштабами общей катастрофы. Надо, однако, снова подчеркнуть, что очень большая часть привилегированных сословий России признала *социальную* справедливость будущего советского порядка, хотя личные обиды саднили. Без этого признания не было бы ни больших программ 20-х годов, ни индустриализации и культурного подъема 30-х годов XX в., ни быстрого национального примирения после Гражданской войны, совершенно непохожего на то, что происходило после подобных войн в США, Мексике или Испании. Но массовые личные травмы и их коллективное переживание в своем кругу оказывали сильное давление на сознание.

Это чувство утраты и несправедливости помещичье дворянство испытало уже при реформе 1861 г. (стоит вспомнить поэму Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»). У значительной части этого сословия обида подпитывалась и передавалась по наследству вплоть до 1917 г.

А.Н. Энгельгардт пишет в письме из деревни в 1863 г. о запустении помещичьих усадеб после реформы, что видно было даже по исчезновению псовой охоты: «Притом же крестьяне теперь так зазнались, что не позволяют борзятникам топтать поля». В сноске он дает пояснение: «Прежде тоже иногда случалось, что крестьяне, особенно казенные, нападали на охотников, топчущих их поля. Вы, может быть, не знаете, что у охотников существовал сигнал "на драку". Охотник, схваченный крестьянами, трубил на рожке сигнал, и тогда все остальные охотники спешили к нему на помощь и, разумеется, обыкновенно побивали крестьян. Теперь «на драку» едва ли кто-нибудь затрубит» [202, с. 481].

А вот письмо помещика от 6 июня 1906 г., перлюстрированное полицией. В нем видно, как сознание привилегированных слоев сдвигается к дремучему социал-дарвинизму: «А делато дрянно! Черт их возьми, прямо выхода, кроме драки, не видно. Народ озверел. Все эти забастовки и аграрные беспорядки, по-моему, создались на почве зависти к сытому и богатому со стороны голодного и бедного. Это такое движение, которое не поддается убеждению, а разрешается битвой и победой. Впрочем, что же – война, так война. Только противно видеть, что поднялись самые подлые страсти. Бедность, голод и т. д. вовсе не от того, что у крестьян мало земли или плохо платят за работу, а от неумения работать, от необразованности и лени» [177, с. 36].

Реакционная часть помещиков не приняла даже реформы Столыпина, верно оценив порождаемые ею риски. В начале 1907 г. съезд Объединенного дворянства заявил о своем неприятии реформы местных органов управления, поскольку, дескать, она отдаст власть на местах в руки «людей хищническо-промышленного типа», которые соединятся с «третьим элементом» (интеллигенцией). Таким образом, была отвергнута даже такая программа модернизации, при которой развитие капитализма (с самым необходимым минимумом демократизации) происходило бы при сохранении всех привилегий дворянства.

Эта часть дворянства поставила заслон буржуазной государственности «справа», а затем консолидировалась как враг советского порядка. Выступая против проекта реформы начального образования (части общего плана столыпинской реформы), предводитель правых в Государственной Думе Н.Е. Марков обращался к помещикам: «Ваши имения, ваша жизнь будет висеть на волоске, когда воспитанные в ваших безбожных школах ученики придут вас жечь, и никто вас защищать не будет».

Помещики, не примирившиеся с перспективой потери их собственности, верно поняли вектор, направление хода событий уже летом 1917 г. Часть их радикализовалась быстро, и в их среде сложилась доктрина *мщения*. Это важная идеологическая предпосылка гражданской войны. Вот прокламация одного из помещичьих союзов, изданная в мае 1917 г. (опубликована в газете «Дело народа» в августе 1917 г.). Она начинается словами: «Будущие пролетарии – русские землевладельцы, – соединяйтесь!»

В заключение в прокламации сказано: «Народ, отменивший смертную казнь как преступное убийство и вводящий в свои законы другое преступление – грабеж и захват как основу своего ленивого благосостояния, как не имеющий государственного смысла, – не должен и не может иметь своего государства. Как социалисты не признавали самодержавия, даже когда оно пользовалось всеобщим признанием, так и мы не можем признать преступной грабительской республики. При таких условиях нам не уйти от гибели, а нашим детям – от голода, потому что мы никогда не подчинимся велениям и законам преступного государства, которое хочет узаконить грабительский захват. Мы не найдем себе места в нашем бесшабашном отечестве, как не находили его социалисты. Но социалисты прибежали к мести и террору, другого сред-

ства борьбы у них не было. Очевидно, по этому ужасному пути придется идти также нам и нашим детям.

Это так неизбежно, хотя горько и ужасно: сотни тысяч обнищавших землевладельцев непременно выделяют из своей среды десятую часть, т. е. десятки тысяч самых несчастных и пылких, а эти несчастные в одну темную ночь пойдут с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч грабительских сел и деревень, в которых будут скоро заседать в трогательном единодушии советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, убежавших туда после банкротства фабрик и заводов, и произведут всероссийскую иллюминацию, не щадя ни домов, ни лесов, ни посевов. Темным грабителям легче будет делить голую землю. А мы только в этом ужасном, неизбежном мщении обречем единственное утешение свое.

«Союз несчастных землевладельцев». [200, с. 250–251].

С середины 90-х годов XIX в. «миры» крестьян и помещиков стали быстро расходиться к двум разным полюсам жизнеустройства: крестьянство становилось все более «общинным», а помещики – все более капиталистами. Крестьяне строили «хозяйство ради жизни» с ориентацией на самообеспечение, а помещики – «хозяйство ради прибыли». И вот – Советская власть с ее декретами и национализацией земли, с дележом поместий или, в лучшем случае, превращением их в «показательные хозяйства».

Надо сказать, что фобии дворянства и буржуазии, их преувеличенные страхи перед грядущими изменениями социального порядка, которые и привели к катастрофе Гражданской войны, во многом были следствием культурного разрыва элиты с массой трудящихся. Помещики, буржуазия и пресса мифологизировали намерения и установки крестьян. Так, непонимание сущности вопроса о земле в крестьянской России и консерваторами, и либералами, и социалистами-западниками стало нашей национальной бедой. Тогда, да и сейчас, городской обыватель считает, что крестьяне России желали «отнять землю у помещиков». Это совершенно ошибочный стереотип. С момента реформы 1861 г. крестьяне вовсе не требовали и не желали экспроприации земли у помещиков. Они понимали национализацию как средство справедливо разделить землю согласно *трудовому* принципу, чтобы и помещикам оставить, но столько, сколько он может возделывать своим трудом. Например, М.М. Пришвин решил жить в своей усадьбе и трудиться на земле – и ему оставили его «трудовую норму» в 16 десятин пашни.

Антибуржуазность и органов рабочего самоуправления (фабзавкомов), и сельских советов была порождена не классовой ненавистью, а именно вытекающей из мироощущения общинного человека ненавистью к классовому разделению, категорией не социальной, а культурной. Фабзавкомы, забиравшие после Февраля рычаги управления в свои руки, предлагали владельцам фабрик стать «членами трудового коллектива», войти в «артель» – на правах умелого мастера с большей, чем у других, долей дохода (точно так же, как крестьяне в деревне, ведя передел земли, предлагали и помещику стать членом общины). В.И. Ленин писал об организованном в рамках фабзавкома рабочем: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне» [188, с. 86].

В условиях революционной разрухи деятельность фабзавкомов была так очевидно необходима для предприятий, что владельцы, в общем, шли на сотрудничество (67 % фабзавкомов финансировались самими владельцами предприятий)²⁷. Как писал печатный орган Центрального союза фабзавкомов «Новый путь»: «при этом не получится тех ужасов, той анархии, которую нам постоянно пророчат... Отдельные случаи анархических проявлений так и остаются

²⁷ В Центральной России фабзавкомами было охвачено 87 % средних предприятий и 92 % крупных, так что рабочие уже с марта 1917 г. считали, что они победили в революции и перед ними открылась возможность устраивать жизнь в соответствии со своими представлениями о добре и зле.

отдельными». В августе-сентябре 1917 г. стали частыми случаи взятия фабзавкомами управления предприятием в свои руки. Это происходило, когда возникала угроза остановки производства или когда владельцы отказывались выполнять те требования, которые фабзавком признавал разумными. В случаях когда фабзавком брал на себя руководство фабрикой, отстраняя владельца, обычно принималось постановление никаких особых выгод из этого рабочим не извлекать. Весь доход после выплаты зарплаты и покрытия расходов на производство поступал в собственность владельцев предприятия [188, с. 55]. И всякое согласие представителей бывших привилегированных сословий находило отклик.

Вопрос о земле был не только экономическим и его невозможно было разрешить исходя из рационального расчета – речь шла о мировоззрении. Две части общества существовали в разных системах права и не понимали друг друга, считая право другой стороны «бесправием». Такое «двоеправие» было важной своеобразной чертой России. Как говорят юристы, на Западе издавна сложилась двойственная структура «право – бесправие», в ее рамках мыслил и культурный слой России начала XX в. Но рядом с этим в России жила более сложная система: «официальное право – обычное право – бесправие». Обычное право для западника кажется или бесправием, или полной нелепицей. Эту ошибку пытались объяснить народники, говоря о сохранении в среде крестьянства основ старого обычного права – *трудового*. Право на землю в сознании крестьян было тесно связано с *правом на труд*.

М. М. Пришвин записал в дневнике 27 декабря 1918 г.: «Что же такое это земля, которой домогались столько времени? Земля – уклад. "Земля, земля!" – это вопль о старом, на смену которого не шло новое. Коммунисты – это единственные люди из всех, кто поняли крик "земля!" в полном объеме» [149].

Надо считать несчастьем России тот факт, что главные политические и философско-политические течения начала XX в., оттеснившие на обочину народников, следовали евроцентристским представлениям о человеке, собственности, хозяйстве. Не понимая мировоззрения крестьян, они невольно углубили общественный раскол, придали ему характер поистине религиозного конфликта.

Комментарий из XXI в.: демократия и диктатура пролетариата. Когда из нашей нынешней жизни смотришь на историю русской революции, вроде бы простые и заученные вещи начинают выглядеть совершенно по-иному. Ведь многие вещи мы не осмысливали и не пытались понять, а именно заучивали.

Сегодня встало, как камень из песка, противопоставление «*диктатура пролетариата – демократия*». Мол, советский строй стоял на диктатуре пролетариата, и это было ужасно, а теперь у нас демократия, и мы почти счастливы. Иногда, правда, уточняют, что то была диктатура не пролетариата, а большевиков. Но это мелочи. Ведь кто такие большевики, если, как говорят, были поголовно уничтожены все дворяне, буржуи, священники и «справные крестьяне»? Те же пролетарии города и деревни²⁸.

Начнем с того, что мы сегодня видим вокруг. Да, у нас демократия, ее главные признаки налицо: многопартийность, гражданские права и свободные выборы. Организуй любую партию! Свобода слова? Выпускай любую газету, хоть сплошь из матерных слов. Можешь купить телестудию и Путина ругать. Денег у людей не хватает газету выпускать? Так ведь за демократию надо платить. Вот мы и платим, еще не расплатились. Некоторые неудачники плачут: «Хотим жить!». Жить – это уже отход от демократии, это уже социал-демократия, получение *социальных* прав, а не гражданских. Об этом не договаривались.

Чем же обернулась демократия и могло ли выйти иначе? Как это ни покажется примитивным, к этому вопросу лучше подойти не с классовым взглядом, а с делением на *бедных* и

²⁸ Тут, правда, возникает неувязка с родословной наших нынешних демократов. Вдруг оказывается, что все они – чуть ли не из князей или даже из раввинов. Но это тоже мелочи.

богатых. Классы на это деление накладываются, но не вполне²⁹. А у нас в России, где в политэкономическом смысле классы вообще не успели сложиться, а потом практически растворились в советском обществе, ничего к ним свести не удастся. Между тем именно на делении богатые – бедные и возникла демократия. Богатые объединились в гражданское общество – «республику собственников» – и учредили демократию как наилучший способ защитить себя от бедных (пролетариев, т. е. неимущих).

Понятно, что по типу бедности и отношению к ней строй жизни и в России до конца XIX в., и в СССР резко отличался от либерального общества Запада. Однако во время реформы 90-х годов XX в. были отвергнуты советские критерии и принципы, и именно капитализм был взят за образец «правильного» жизнеустройства, якобы устраняющего ненавистную «уравниловку». Не будем вилять – отрицание уравниловки есть не что иное, как придание бедности законного характера.

Как написано в западных учебниках, демократия есть *холодная гражданская война* богатых против бедных, ведущаяся государством. Как мы сами недавно видели, холодная война богатых даже более эффективна, нежели горячая. Хотя в крайних случаях прибегают и к горячей – выпускают то Пиночета, то Ельцина с танками.

Как же ведут свою войну богатые с помощью демократии? Соблазняют людей политическим равенством, которое путем промывания мозгов на время утверждают как наивысшую ценность – гораздо более ценную, нежели равенство социальное. Каждый свою частицу власти может осуществить через выборы. Вроде все логично, а на деле не проходит. Богатые первым делом «выгоняют» бедных с «политического рынка» спектаклями непрерывных скандалов, демонстративным ничтожеством продажных политиков. В массовое сознание нагнетается мысль, что «политика – дело грязное» и на выборы лучше не ходить, бесполезно. Людей запугивают «виртуальными ужасами»: бабушек – что Ельцин обидится и пенсии отнимет, верующих – что коммунисты снова храм Христа Спасителя взорвут. Таким образом, достигается первое условие – на выборы порой не приходит 75 % избирателей, в том числе почти все бедные.

Так возникает общественный строй-мираж. Бедные в нем как бы исчезают, благополучная половина их просто не видит. Из бедности выхватываются гротескные фигуры, даются с комическими комментариями. Их образ становится частью несуществующего мира. Эта демократия – снятие запрета на геноцид бедных. В этом ее главная суть, все остальное – мелочи.

Что же такое была у нас диктатура пролетариата? Главный ее смысл был в запрете именно на эту демократию. Жесткий запрет на убийство ближнего – для тех, кто сам этого запрета не понимает. Диктатура пролетариата вдруг появилась в России, и почти все ее возжелали именно потому, что наши либералы после Февраля 1917 г. наглядно эту суть демократии всем показали. И русские, которые тогда почти поголовно были крестьянами (хотя бы и фабричными или «в серых шинелях»), очень хорошо эту суть поняли.

Термин *диктатура пролетариата* в России употреблялся как метафора и не имел *классового* смысла. Когда во время перестройки начались дискуссии о том, имел ли пролетариат в советской системе диктаторские полномочия, это вызывало недоумение: такие понятия никогда и не понимаются буквально.

В политическом смысле диктатура пролетариата означала, что у богатых было изъято главное средство власти – возможность отвращать людей от участия в выборе жизнеустрой-

²⁹ Наше образование делало упор на понятие класса, сформулированного в марксистской политэкономии. Историки (Ф. Бродель) относят возникновение упорной классовой ненависти к периоду Возрождения. Тогда в больших богатых городах при первых признаках чумы богатые выезжали на свои загородные виллы, а бедные оставались в зараженном городе, как в осаде (но при хорошем снабжении во избежание бунта). Происходило «социальное истребление» бедняков. По окончании эпидемии богачи сначала вселяли в свой дом на несколько недель беднячку-«испытательницу». Жан Поль Сартр писал: «Чума действует лишь как усилитель классовых отношений: она бьет по бедности и щадит богатых» [20, с. 97].

ства. Бедные действительно стали влиять на ход жизни – даже гораздо больше, чем того хотело советское государство. Другое дело, что через полвека, став «средним классом» или номенклатурой, дети бедных стали легко подвергаться соблазнам, но это уже другая история.

В социальном смысле диктатура пролетариата означала запрет на убийство бедных богатыми. Равный доступ к минимуму пищи, т. е. право на жизнь, был утвержден как не подвергаемый обсуждению. Никаких голосований по этому вопросу не допускалось. Из этого и вытекали 34 млн. пайков во время военного коммунизма для всех горожан: и банкиров, и трубочистов. Из личных симпатий, злоупотребив своей властью, В.И. Ленин выхлопотал паек первой категории (как для молотобойца) для антикоммуниста академика И.П. Павлова и его жены.

Утвердив равенство в вопросе жизни и смерти, диктатура пролетариата была вынуждена наложить мораторий на равенство атомизированных голосов – на демократию для богатых. Иначе, как ни крути, убийство бедных было не остановить.

Возмущение господ «восставшим хамом»

Этот сильный мотив редко выносится на публику культурными людьми и обсуждается в кругу «своих» – люди чувствуют, что это злая, недостойная установка, но трудно с ней справиться. Так было и в те годы.

В 1990 г. в издательстве «Советский писатель» (!) была издана книга И.А. Бунина «Окаянные дни». Эта книга дышит дикой ненавистью к «русскому простонародью». Ее обязательно надо прочесть тем, кто заинтересован в нашей теме. В И. Бунине говорит сословная злоба и ненависть к *народу*, который оказался не добрым и всепрощающим богоносцем, а восставшим хамом. Читаем у И.А. Бунина:

«В Одессе народ очень ждал большевиков – «наши идут»... Какая у всех [у «всех» из круга Бунина – С. К.-М.] свирепая жажда их гибели. Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга».

Для нашей темы интереснее рассуждения рефлексирующих философов, которые стараются анализировать свои противоречивые чувства гуманистов с элитарным самосознанием. К таким философам можно отнести Н.А. Бердяева как представителя интеллектуальной элиты того времени и писателя М.М. Пришвина, который провел 1917 г. и весь период Гражданской войны в гуще деревенской жизни и вел подробный дневник, фиксируя и реальные события, и свои мысли и чувства.

Н.А. Бердяев пишет: «Основное противоречие моего мнения о социальной жизни связано с совмещением во мне двух элементов – аристократического понимания личности, свободы и творчества и социалистического требования утверждения достоинства каждого человека, самого последнего из людей и обеспечения его права на жизнь. Это есть также столкновения влюбленности в высший мир, в высоту и жалости к низинному миру, к миру страдающему. Это противоречие вечное... Когда уравнительная тирания оскорбляет мое понимание достоинства личности, мою любовь к свободе и творчеству, я восстаю против нее и готов в крайней форме выразить свое восстание. Но когда защитники социального неравенства бесстыдно защищают свои привилегии, когда капитализм угнетает трудящиеся массы, превращая человека в вещь, я также восстаю...»

Признание верховенства личности означает метафизическое неравенство, различие, несогласие на смешение, утверждение качества против власти количества. Но это метафизическое качественное неравенство совсем не означает социального, классового неравенства. Свобода, не знающая жалости, становится демонической» [13]³⁰.

³⁰ Впрочем, в другом месте Н.А. Бердяев противоречит своему тезису о «метафизическом неравенстве». Он пишет, что по внешним признакам оценить «метафизический» статус никакого человека нельзя в принципе: «Всякая человеческая лич-

Здесь конфликт ценностей, одинаково важных для личности. Для элитарного сознания Н. Бердяева «метафизическое неравенство» – необходимое условие его бытия, но он, вскормленный Просвещением, «свободой, равенством и братством», одновременно желает социального равенства. На практике совместить эти ценности очень трудно, а в условиях гражданской войны невозможно, надо выбирать. О трагедии этого выбора мятущиеся философы не говорят, но хотя бы помогают нам упорядочить это единство и борьбу противоречий.

Вот, Н. Бердяев качнулся в одну сторону: нельзя лишать трудящихся хлеба на том основании, что «при угнетенности масс культура была красива»: «Как Герцен, как К. Леонтьев у нас, как Ницше, как Леон Блуа на Западе, я очень чувствую грядущее царство мещанства, буржуазность не только капиталистической, но и социальной цивилизации. Но обычный романтический аргумент о наступающем царстве мещанства мне представляется сейчас фальшивым... Нельзя защищать социальную несправедливость на том основании, что социальная справедливость оборачивается мещанством. Это аргумент К. Леонтьева. Нельзя отказаться решать проблему хлеба для трудящихся масс на том основании, что при неразрешенности этой проблемы и при угнетенности масс культура была красива. Это особенно невозможно для христиан» [13].

Но трудящиеся массы восстали – и Н. Бердяев качнулся к социальному расизму, даже на редкость примитивному: «Культура существует в нашей крови. Культура – дело расы и расового подбора... "Просветительное" и "революционное" сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование "белой кости" есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт» [16].

При таких установках в общественной мысли была утрачена умеренная середина – стали возможны лишь взаимоисключающие решения. Возможности компромиссов быстро сокращались.

В оправдание своей вражды к «трудящимся массам», решившимся встать на борьбу за хлеб и правду, идеологи элиты часто выступают в защиту культуры, которой якобы угрожает гибелью власть простонародья. Н. Бердяев пишет: «Народная масса в прошлом имела свою духовную культуру, основанную на религиозной вере, массы же в этот переходный период лишены всякой духовной культуры, и они дорожат только мифами и символами, которые им демагогически внушены, мифами и символами национальными и социальными, расы, нации, государства, класса и пр. При этом всегда происходит идолотворение. Ценности с необыкновенной легкостью превращаются в идолы. Ведь и сама цивилизация может превратиться в идола, как государство, нация, раса, пролетариат, тот или иной социальный строй» [13].

Ну куда податься аристократической личности! Ведь чуть потесни ее у кормушки – и все «может превратиться в идола». Народную массу можно держать в узде лишь с помощью «духовной культуры, основанной на религиозной вере», и мощной полиции. Но это суждение Н. Бердяева ложно: «красивая» сословная культура как «дело расового подбора» (и «при угнетенности масс») как раз и приводит к идолотворению в одной своей ветви и к революции – в другой. Надеяться на то, что «духовная культура, основанная на религиозной вере», всегда будет достаточна для удовлетворения угнетенной массы, есть либеральная иллюзия, навеянная идеологией. Сознание – развивающаяся система, и представление о приемлемом уровне несправедливости меняется.

ность, личность последнего из людей, несущая в себе образ высшего бытия, не может быть средством ни для чего, в себе имеет экзистенциальный центр и имеет право не только на жизнь, отрицаемое современной цивилизацией, но и на обладание универсальным содержанием жизни. Это истина евангельская, хотя и недостаточно раскрытая... Качественно различные, неравные личности не только в глубинном смысле равны перед Богом, но равны перед обществом, которому не принадлежит право различать личности на основании привилегий, т. е. на основании различия социального положения» [13].

Тяжело переживая крах либеральных иллюзий, порожденных Февральской революцией, М.М. Пришвин так выразил суть Октября как *русского бунта*: «горилла поднялась за правду». Но что такое была эта «горилла», как он назвал русское простонародье? Стал М.М. Пришвин размышлять, из чего же она возникла. И уже 31 октября 1917 г. выразил свой вывод почти в притче. Возник в трамвае спор о правде (за Керенского – или за Ленина?) – до рычания. И кто-то призвал спорщиков: «Товарищи, мы православные!».

М.М. Пришвин из этого выводит, что советский строй («горилла») – это соединение невидимого града православных с видимым градом на земле товарищей: «В чистом виде появление гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных».

Этого не надо бы забывать сегодня нашим православным, которые стараются оторваться от товарищей. А нашему молодому «креативному классу» стоит вникнуть в такое откровение Н. Бердяева:

«Я считал революцию неизбежной и справедливой, но духовный ее облик мне был неприятен с самого начала. Ее неблагоприятные проявления, ее посягательства на свободу духа противоречили моему аристократическому пониманию личности и моему культу духовной свободы. Революцию большевистскую я не принял не столько социально, сколько духовно... Но в Западной Европе я вновь пережил психическую реакцию, и притом двойную, реакцию против русской эмиграции и против буржуазно-капиталистического общества Европы. В русской эмиграции я увидел то же отвращение к свободе, такое же ее отрицание, как и в коммунистической России. Что было объяснимо, но гораздо менее оправдано, чем в коммунистической революции.

Никакие революции никогда не любили свободы, миссия революций иная. В революциях поднимаются вверх новые социальные слои, раньше не допущенные к активности и угнетенные, и в борьбе за свое новое положение в обществе они не могут проявлять свободолобия и не могут бережно относиться к духовным ценностям. Менее понятна и менее оправдана такая нелюбовь к свободе и духовному творчеству тех, которые почитают себя культурным слоем и хранителями духовной культуры. В Западной же Европе я ясно увидел, насколько антикоммунистический фронт движется интересами буржуазно-капиталистическими или носит характер фашистский» [13].

Как страдает и мечется аристократическая личность Н. Бердяева! В октябре 1993 г. в Москве один очень умный человек, настоящий трудящийся и в то же время аристократ духа, сказал с горечью: «Не удержались... Теперь опять все покатило к распутью: или к Сталину – или к Гитлеру».

Социальный расизм потревоженной элиты

Когда после революции 1905–1907 г. буржуазно-либеральная партия России (кадеты) стала уповать на буржуазию («русских Крупшов» и «крепкое мещанство»), ей неизбежно пришлось отвергнуть сам идеал *равенство*. Бывший марксист П. Струве стал писать, что основанием прогрессивного общества «является всегда человеческая личность, отмеченная *более высокой степенью годности*» [выделено мной. – С. К.-М.]. Н. Бердяев стал выражаться еще круче.

Это был сдвиг к социал-дарвинистскому представлению о человеке, а значит, полный разрыв с той антропологией, на которой стояла до этого русская культура. Желаемый для большинства образ будущего стал восприниматься с нарастающей ненавистью. Нарастание революционных настроений вызвало резкий сдвиг социальной философии элиты вправо. Социальный расизм стал характерен даже для умеренно левых философов.

Идеологи либеральной буржуазии начиная с революции 1905–1907 гг. все больше и больше переходили на позиции радикального противопоставления себя народу как иной, враждебной расе. Это отразилось уже в книге «Вехи». Основная идея этой книги ясно была выра-

жена в статье М.О. Гершензона, который писал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [37, с. 101].

В отношении к простонародью, к «братям бездомным», произошел глубокий раскол в русской интеллигенции. Раскол совершенно не по классовому признаку, а по духовным, даже религиозным, основаниям. Если интеллектуалы – кадеты и аристократы, как И. Бунин и Н. Бердяев, – впали в социал-дарвинизм, раскаялись в любви к народу как «зверопоклонстве», то поэтический идеолог крупной буржуазии поэт-символист В. Брюсов писал в 1901 г. этому простонародью:

Вас, обезличенных медленным зверством,
Властью бичей и желез,
Вас я провижу во храме отверстом,
В новом сиянье небес.

И не надо думать, что В. Брюсов и А. Блок не знали народа и простонародья, идеализировали его, а И. Бунин и М. Гершензон знали. Дело в том, что отношение к народу не вырабатывается логически, это сфера идеалов, ценностей иррациональных.

Почти бескровное осуществление Февральской революции было встречено как праздник. Но то, что главный спор – впереди, чувствовалось всеми, кто наблюдал развитие этого спора, начиная с крестьянских восстаний 1902 г. 3 марта 1917 г. В. Брюсов написал стихотворение «В мартовские дни». Оно полно предчувствий:

Приветствую Свободу... Свершился приговор...
Но знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

Перерастание неприязни к простонародью в ненависть в среде имущих классов и значительной части культурного слоя России отмечалось многими наблюдателями уже начиная с лета 1917 г. М.М. Пришвин записал в дневнике 19 мая: «Сон о хуторе на колесах: уехал бы с деревьями, рощей и травами, где нет мужиков». 24 мая он добавил: «Чувствую себя фермером в прериях, а эти негры Шибай-Кибай злобствуют на меня за то, что я хочу ввести закон в этот хаос». 28 мая читаем такую запись: «Как лучше: бросить усадьбу, купить домик в городе? Там в городе хуже насчет продовольствия, но там свои, а здесь в деревне, как среди эскимосов, и какая-то черта неумолимая, непереход и мая» [149].

И все же у М.М. Пришвина это непонимание диалектично, он видит в этих «эскимосах» непонятный для него потенциал развития. 27 апреля 1918 г. он записал в дневнике:

«Я никогда не считал наш народ земледельческим, это один из предрассудков славянофилов, хорошо известный нашей технике агрономии: нет в мире народа менее земледельческого, чем народ русский, нет в мире более варварского обращения с животными, с орудием, с землей, чем у нас. Да им и некогда и негде было научиться земледелию на своих клочках, культура земледелия, как и армия царская, держалась исключительно помещиками и процветала только в их имениях...»

После разрушения армии сила разрушения осталась: там было бегство солдат в тыл, теперь – бегство холопов в безнадежную глубину давно прошедших веков... Теперь иностранец-предприниматель встретит в России огромную массу дешевого труда, жалких людей, сидящих на нищенских наделах.

Самое ужасное, что в этом простом народе совершенно нет сознания своего положения, напротив, большевистская труха в среднем пришлась по душе нашим крестьянам – это торжествующая середина бесхозяйственного крестьянина и обманутого батрака... Вот моя умственная оценка нашего положения, я ошибаюсь лишь в том случае, если грядущий иностранец очутится в нашем положении или если совершится чудо: простой народ все-таки создаст могучую власть» [149].

Это «чудо» и произошло – простой народ создал могучую власть именно потому, что «большевистская труха пришлась по душе нашим крестьянам». Но это было потом. Как проницательный наблюдатель, М.М. Пришвин пришел к выводу, что уже в начале лета 1917 г. возможность диалога и взаимопонимания между либералами и крестьянством быстро иссякала, отторжение утрачивало рациональный характер.

Вместе с сознательной ненавистью возникла бытовая, органичная неприязнь к низшему сословию, забывшему свое место, «начавшему говорить». Неприязнь эта именно органичная, подсознательная, М.М. Пришвин, например, не признает ее наличие в своих дневниках в рациональных рассуждениях, она прорывается в бытовых зарисовках. Он записал в дневнике 14 июня 1917 г.:

«Приезжают два члена земельной комиссии описать мою землю, два малограмотных мужика, один спрашивает, другой записывает, спрашивает небрежно, без плана, записывает на грязном лоскутке бумаги кривульками, путаными рядами, вверх, вниз, сбоку нечиненным карандашом, слюнявя и облизывая пальцы. Объясняю им, как что – нужно разграфить бумагу и над графами заголовки подписать. Шемякин суд.

– Дожидаемся, – говорят, – дезинфекции.

Что такое «дезинфекция», объяснили: «Канторские книги».

Соседу рассказываю про дезинфекцию, он смеется и говорит: "Робеспьеры, Робеспьеры!"» [149].

Рассуждения в среде научной гуманитарной элиты были более жесткими. Кружок профессоров собирался в Петрограде на квартире академика СБ. Веселовского, часто бывал там и И. Бунин. СБ. Веселовский, судя по его дневникам, – либерал и даже социалист³¹. Но он, «один из ведущих исследователей Московского периода истории России XIV–XVII вв.», замечательный ученый и патриот, рассуждает как русофоб. Он пишет в дневнике: «Еще в 1904–1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мои предсказания более чем оправдались, но мнение о народе не изменилось, т. е. не ухудшилось. Быдло осталось быдлом» [27, с. 31].

В другом месте он высказывается даже определеннее: «Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отстала, но и низшая раса... Повседневное наблюдение постоянно приводило к выводу, что иностранцы и русские смешанного происхождения даровитее, культурнее и значительно выше, как материал для культуры» [27, с. 38]. Или еще: «Когда переходишь от русских писателей к иностранным, то начинает казаться, будто попал из притона хитрованцев и хулиганов или из дома умалишенных в общество нормальных и порядочных людей. Со времени Гоголя пристрастие русских писателей к подлому, пошлому, уродливому и болезненному росло по мере проникновения в литературу полукультурных, талантливых и бездарных разночинцев» [27, с. 86].

Такое отношение со стороны элиты, образованного слоя, сплачивало массы ответной неприязнью. Русофобия создавала духовный климат, который отравлял «воздух общения»

³¹ В январе 1918 г. он пишет: «Разгон Учредительного собрания – прошел или, вернее, проходит. Теперь уже несомненно, что революция убита; остаются борьба с анархией и реставрация... Все это... такие удары по социализму и революции, от которых в России они не оправятся».

и переводил рациональное обсуждение разных проектов развития России в плоскость борьбы и даже войны.

Так протекало в либерально-буржуазной среде «созревание» ненависти к поднявшим голову крестьянам и «пролетариям», процесс оформления идеологии, основанной на этой ненависти. М.М. Пришвин записал в дневнике 15 июня 1917 г. такое лирическое откровение:

«В ненастное время, когда все богатые красивые птицы умолкают и прячутся, вылетает из дупла старого дерева худая серая птичка Пролетарий и наполняет сад однообразным металлическим звуком: "Пролетарии всех садов, соединяйтесь!" Как только начнет проходить ненастье, на небе показывается радуга и поднимаются голоса других богатых птиц, звук этой нищей птички в саду исчезает и природа живет своей обычной, сложной, мудрой и несправедливой жизнью.

С детства я очень интересовался явлением серой птички в ненастье, и раз проследил, куда она исчезает: за старым амбаром заросшая бурьяном была древняя дикая яблонька, и в этой яблоньке дупло черное, величиною в кулак. Я заметил, что серая птичка туда нырнула, просунул руку в дупло – и вот там по-змеиному зашипело. В страхе я бросился бежать от змеиного шипа. Так, в детстве я словно обжегся об эту маленькую серую птичку...» [149].

Темная ненависть к «пролетарию» приобрела культурно приемлемые формы ненависти к политической власти большевиков как узурпаторов и губителей России. Но она возникла до прихода большевиков, они лишь притянули ее к себе, как громоотвод разряжает заряд тучи. В.В. Шульгин пишет в воспоминаниях начала лета 1917 г.: «Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно, в его берлогу, вырвавшегося на свободу страшного зверя».

На деле за политическими основаниями антисоветизма стоял *социальный расизм* — невозможность вытерпеть власть «низших классов». Потому и писал С. Есенин о Белой армии:

В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.

Вот как И. Бунин воспринимает тех, против кого в сознании *его сословия* уже готовилась гражданская война. Это сословие рыдало бы от восторга, если бы дьявол по горло ходил в крови этих людей. И. Бунин описывает рядовую рабочую демонстрацию в Москве 25 февраля 1918 г., когда до реальной войны было еще далеко:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.